

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIV годъ

№ 34

годъ XIV

1883

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЬ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ
для напечатанія въ
„Нивѣ“ принимаютъ
ся по 60 коп. (1
Mark. 70 Pfen. для
загран.) за строку
конпарейль (въ 1/4
ширины страницы).

КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кромѣ
воскресн. и праздн.
дней) отъ 10 ч. утра
до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „Ниву“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургѣ . . . . . 4 р.
Съ доставкою въ
Петербургѣ . . . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москву черезъ от-
дѣл. конторы „Нивы“ Н. Н. Печков-
ской, Петровская Торгов. линія. . . . . 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе
города Россіи . . . . . 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и др. госуд. 8 р.
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 3 р., съ перес. иногороднымъ 3 р.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМЪЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особая приложе-
нія при „НИВѢ“
объявленій отъ
торговыхъ домовъ
принимаются для
иног. по 5 р. съ
тысячи, для город-
скихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи неудобныя къ
печати авторамъ
не возвращаются.

Карлъ Юльевичъ Давыдовъ.

Имя Карла Юльевича Давыдова пользуется громкою и почетною извѣстностью въ нашемъ музыкальномъ мірѣ, и эта извѣстность весьма понятна; К. Ю., какъ директоръ С.-Петербургской консерваторіи, стоитъ во главѣ учрежденія, отъ которого главнымъ образомъ зависитъ судьба нашего музыкального развитія и образованія, и его энергіи и дѣятельности мы обязаны тѣмъ, что теперь ряды нашихъ пѣвцовъ и музыкантовъ могутъ легко пополняться нашими отечественными силами. Кромѣ того К. Ю. давно извѣстенъ какъ первоклассный віолончелистъ, не имѣющій въ этомъ отношеніи себѣ соперниковъ, и какъ талантливый композиторъ концертныхъ піесъ и романсовъ, очень любимыхъ нашей публикой.

Карлъ Юльевичъ Давыдовъ родился въ Гольдигенѣ, въ Курляндіи, 3 марта 1838 года, и еще ребенкомъ привезенъ былъ въ Москву, гдѣ съ 12-лѣтнаго возраста онъ началъ уже изучать игру на віолончели. Въ 1854 г., К. Ю. поступилъ въ московскій университетъ

по физико-математическому факультету, и окончивъ въ 1858 году курсъ со степенью кандидата, отправился въ Лейпцигъ, чтобы всецѣло посвятить себя изученію музыки. Здѣсь, подъ руководствомъ извѣстнаго Морица Гауптмана, К. Ю. знакомился съ теоріей музыки и въ то же время совершенствовался на віолончели, превосходная игра на которой въ концертахъ приобрѣла ему вскорѣ лестную извѣстность какъ между нѣмецкими музыкантами, такъ и среди публики. Всльдъ затѣмъ онъ былъ приглашенъ профессоромъ въ лейпцигскую консерваторію, гдѣ и пробылъ два года. Успѣхи его заграницей какъ замѣчательного солиста и знатока въ теоріи музыки, наконецъ сдѣлались извѣстны и въ Россіи, и въ 1862 году онъ получилъ приглашеніе — занять мѣсто профессора С.-Петербургской консерваторіи и солиста императорскихъ театровъ. Дѣятельность К. Ю. въ нашей консерваторіи, какъ профессора, была самая плодотворная: подъ его руководствомъ образовались наши луч-

К. Ю. Давыдовъ. Съ фотogr. грав. Гельштейнъ.

шие молодые виолончелисты и кромъ того было обращено должное вниманіе на такъ называемую *musique d'ensemble*. Постъ отставки М. П. Азанчевского въ 1875 году, К. Ю. былъ назначенъ директоромъ консерваторіи, и этотъ выборъ, встрѣченный тогда единодушнымъ сочувствіемъ публики, дѣйствительно оказался чрезвычайно удаченъ. Новый директоръ энергически взялся за ввѣренное ему дѣло и, совершенствуя учрежденіе вообще, обратилъ особенное вниманіе на развитіе оркестроваго класса, исходя изъ той очень вѣрной мысли, что не для всѣхъ учащихся возможно сдѣлаться солистами, и потому, въ виду образованія музыкантовъ вообще, правильная организація оркестроваго класса является вопросомъ самой настоятельной необходимости. Кромъ того при К. Ю. Давыдовѣ въ консерваторіи было между прочимъ введено обязательное для всѣхъ учащихся хоровое штѣніе и *musique d'ensemble* для піанистовъ. Вопросъ объ материальномъ помощи недостаточнымъ музыкантамъ также не былъ оставленъ безъ вниманія и К. Ю. явился однимъ изъ главнѣйшихъ учредителей „спомогательной кассы музыкальныхъ художниковъ“. Дѣла этой кассы пошли весьма успѣшно вскорѣ по ея основаніи, въ 1877 году, такъ что годъ спустя, она уже обладала капиталомъ въ 27 ты-

сячъ и могла значительно расширить свою благотворительную дѣятельность.

Среди хлопотъ о консерваторіи (которую онъ временно долженъ былъ оставить), К. Ю. все таки находилъ еще время, чтобы участвовать въ многочисленныхъ концертахъ и занимать мѣсто въ оркестрѣ итальянской оперы, какъ солистъ Его Императорскаго Величества. Кромѣ того К. Ю. составилъ себѣ известное имя какъ композиторъ; онъ написалъ 4 концерта для виолончели, оркестровую фантазію „Дары Терека“, нѣсколько квартетовъ для струнныхъ инструментовъ и значительное количество мелкихъ пѣсъ и романсовъ. Между послѣдними, композиція которыхъ вообще отличается мелодичностью и изяществомъ стиля, особенно популярны „Выхожу одинъ я на дорогу“, „Шелохнулась занавѣска“, „Не брани меня“, „Отчего вдругъ запѣлъ соловей?“ и нѣсколько другихъ, которые всегда слушаются съ истиннымъ удовольствиемъ. Карлъ Юльевичъ не разъ, какъ говорятъ, принимался и за оперу, но другія хлопоты и заботы всегда отвлекали его отъ этого труда и, наконецъ, теперь, когда, говорятъ, К. Ю. снова возвращается къ временно оставленной имъ дѣятельности, его конечно займетъ лишь преуспѣяніе и совершенствованіе дорогой его сердцу консерваторіи.

СТАРЫЙ ДОМЪ.

(Хроника четырехъ поколѣній).

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I. Кризисъ.

Конечно главнымъ интересомъ Бориса Горбатова, при которомъ всѣ остальные уходили на второй планъ, была Нина.

Несмотря на всѣ его старанія, дѣла съ этой стороны шли вовсе не такъ быстро и успѣшно, какъ бы ему хотѣлось. Онъ не могъ обойти затрудненій, которыхъ выставляла извѣстная форма общежитія, принятая въ томъ кругу, среди котораго онъ вращался.

Хотя не только что княгиня, но даже и генеральша были съ нимъ очень предупредительны и любезны и всегда выраживали радость при его появлѣніи, хотя онъ самъ изощрялъ всѣ способы находить предлоги для частыхъ посѣщеній, а все же эти посѣщенія были не особенно часты.

Нерѣдко случалось также, что когда онъ являлся къ княгинѣ, то не заставалъ Нину дома, а если и заставалъ, то въ такой обстановкѣ, которая не допускала продолжительныхъ бесѣдъ съ нею съ глазу на глазъ.

Онъ ясно видѣлъ, что Нина болѣе чѣмъ рада его прїѣзу. Онъ продолжалъ быть увѣреннымъ въ ея къ нему чувствѣ; но все же это его мало подвигало впередъ.

Когда ему удавалось поговорить съ нею, она то и дѣло заводила отвлеченные, мистические разговоры и упорно стояла на томъ, что ихъ любовь должна быть „ангельской“.

Первое время онъ продолжалъ мало обращать вниманія на это опредѣленіе, но затѣмъ сталъ волноваться, и наконецъ эта платоническая любовь представлялась ему уже просто оскорбительною. Онъ просилъ Нину, во время одного изъ ихъ разговоровъ, положить предѣль этому томительному состоянію,—принять его предложеніе и обвѣнчаться съ нимъ.

Нина вспыхнула и испуганно посмотрѣла на него.

— Вѣдь я говорила... говорила, что этого не должно быть, что это невозможно! прошептала она.

— Да отчего же, если мы любимъ другъ друга?.. иначе и быть не можетъ, Нина. Вѣдь и обвѣнчавшись мы можемъ любить другъ друга такъ, какъ вы это находите нужнымъ. Я ни въ чемъ не пойду противъ васъ, я не стану насилино измѣнять ваши взгляды... Но если мы будемъ мужемъ и женой передъ свѣтомъ, то рушатся всѣ эти преграды, отъ которыхъ я страдаю и отъ которыхъ и вы должны страдать, если не обманываете себя и меня, и дѣйствительно меня любите!..

Очень часто мнѣ такъ недостаетъ васъ, мнѣ такъ вы необходимы, я хочу столько передать вамъ, открыть вамъ всѣ тайники, всѣ извины моей души!.. Я нуждаюсь въ вашемъ совѣтѣ, участіи,—а васъ нѣтъ со мною... я одинъ... между нами каменная стѣна, которую уничтожить невозможно! Неужели вамъ непонятно все это, неужели вы сами не испытываете того же? Если нѣтъ, такъ не говорите, что вы меня любите... я не понимаю такой любви!..

Но Нина взяла его руку, крѣпко скжала ее и взглянула на него любящими глазами.

— Ахъ Борисъ, Борисъ! неужели вы ничего не видите?!.. Я, я не люблю васъ!!.. Неужели вы думаете, что я не испытываю того же самаго, что и вы... Мнѣ тоже васъ недостаетъ... Но жениться мы не можемъ теперь.

— Боже мой, да почему же?

— Потому, Борисъ, что мы очень слабы и кажется вы еще гораздо слабѣе моего. А главное—вы еще многаго не понимаете, вы не посвящены... Я знаю, вы искренно теперь обѣщаєте, что наши отношенія не измѣнятся, даже если мы и женились. Но подумайте хорошенько, спросите себя и отвѣтьте правду—вы не можете сдержать этихъ обѣщаній. Вы теперь часто говорите, что я васъ оскорбляю, васъ не люблю, а тогда вамъ будетъ казаться еще больше, что я васъ оскорбляю. Вы будете мучиться и меня мучить, и заставите меня совершить грѣхъ, ошибку непоправимую... Вотъ видите, я права, вы молчите, вамъ нечего мнѣ возражать...

Борису дѣйствительно было нечего возражать и онъ чувствовалъ, что она права.

— Но развѣ возможно все это? Развѣ такая жизнь—счастье, и вы счастливы теперь, и вамъ ничего иного не надо? спросилъ онъ Нину.

— Нѣтъ, я несчастлива потому, что вижу, что вы ходите во мракъ! Я буду счастлива тогда, когда вы изъ него выйдете, когда вы все поймете; тогда между нами не будетъ этихъ споровъ, этихъ упрековъ... Вѣдь я васъ просила убѣдиться... Катерина Филипповна готова принять васъ, братья и сестры мнѣ довѣряютъ. Вы будете допущены на собраніе.

— Такъ скажите, когда мнѣ быть?

— Хоть сегодня, хоть сейчасъ!

— Но если я не увѣрю въ то, во что вы тамъ вѣрите, а напротивъ, если мнѣ станетъ ясно, что вы заблуждаетесь?..

— Тогда увидимъ, поговоримъ... Такъ вы согласны?

— Я не отказывался, я только не настаивалъ, я ждалъ вашего зова.

— Собрание у насъ завтра, сказала Нина, — пріѣзжайте съ княземъ Есперомъ.

Борисъ уже зналъ, что князь Есперъ принадлежалъ къ Татариновскому союзу, и узнавъ это, онъ постарался даже, насколько возможно, сблизиться съ княземъ, хотя тотъ никогда не производилъ на него очень приятнаго впечатлѣнія.

И теперь ему вовсе не понравилась близость Нины съ этимъ человѣкомъ.

„Вѣдь это просто шутъ какой-то! думалъ онъ, — развѣнченный, на шалнерахъ, кривляка... что можетъ быть серьезнаго и хорошаго въ такомъ человѣкѣ?!..“

Но онъ вспоминалъ при этомъ, что уже не разъ въ жизни ему приходилось убѣждаться, что подъ самой комичной и странной наружностью скрывается иногда совсѣмъ неожиданное содержаніе...

Борисъ уже нѣсколько разъ посѣтилъ князя Еспера въ его мезонинѣ, но поладить ему со старымъ франтомъ оказывалось не легко.

Князь Есперъ, несмотря на всю свою предупредительность и любезность, какъ то странно держалъ себя съ нимъ, смущался въ его присутствіи, бѣгалъ глазами во все стороны и начиналъ его занимать самымъ пошлымъ разговоромъ.

Но Борисъ, во время втораго своего визита, замѣтилъ у князя на столѣ богословскія и мистическія сочиненія и заставилъ хозяина разговариться по поводу этихъ книгъ.

Князь Есперъ, чего Борисъ никакъ не ожидалъ, оказался весьма начитаннымъ. Только не было особенной ясности ни въ его изложеніи, ни въ его мысляхъ. Онъ часто путался, сбивался. Онъ совсѣмъ не умѣлъ вести отвлеченныи споръ и, къ тому же, это, повидимому, было ему противно. Наконецъ, онъ сталъ отдаѣться общими фразами и вдругъ совсѣмъ замолчалъ.

А Нина увѣряла, что князь Есперъ таѣ краснорѣчивъ, таѣ увлекательно доказываетъ!..

Борисъ недоумѣвалъ и кончилъ тѣмъ, что рѣшилъ такъ:

„Это человѣкъ скрытный, подозрительный: онъ мнѣ не довѣряетъ и не хочетъ высказываться передо мною. Нужно его пріучить къ себѣ“.

И онъ принялъ за это, но князь Есперъ не поддавался. Онъ смотрѣлъ на Бориса, какъ на лютаго врага, и просто его ненавидѣлъ. Его посѣщенія, его любезность только раздражали князя. Его молодость, красива виѣшность, милыя манеры, очевидная искренность доводили его до бѣшенства.

Князь Есперъ вовсе не былъ такимъ жалкимъ и глупымъ человѣкомъ, какимъ казался съ первого раза, благодаря своей наружности и смѣшнымъ ужимкамъ. Онъ иной разъ умѣлъ очень ясно наблюдать, да впрочемъ и особеннаго ума не требовалось для того, чтобы понять, зная то, что онъ зналъ изъ прежнихъ откровенныхъ словъ Нины,—до какой степени Борисъ для него опасенъ.

Теперь онъ побаивался княгиню, а потому рѣдко бѣдовалъ съ Ниной; но дѣйствовалъ на нее черезъ Катерину Филипповну. Теперь и у него являлись письменные откровенія, которыя онъ носилъ Татариновой и посредствомъ которыхъ убѣждалъ ее, что этотъ человѣкъ, т. е. Борисъ, погубить душу Нины и сократить ее на путь неправды.

Онъ одинъ изъ всѣхъ братьевъ и сестеръ союза, несмотря на торжественное поручительство Нины, всѣми мѣрами старался отклонить допущеніе Бориса въ собранія. Онъ очень хорошо понималъ, что Борисъ врядъ ли можетъ повредить имъ и не станетъ на нихъ доносить, ужъ хоть бы потому, что не захочетъ скомпрометировать Нину. Но онъ боялся не безъ основанія того, что

какъ только Борисъ увидѣть ихъ тайнодѣйствія,—онъ непремѣнно отниметъ у него Нину. Онъ такъ и выражался въ своихъ мысляхъ: „отниметъ у меня“—онъ считалъ Нину своей собственностью.

Но тутъ князь Есперъ оказался побѣженнымъ. Его письменные откровенія вдругъ стали въ противорѣчіе съ такими же откровеніями Катерины Филипповны, такъ какъ въ ея откровеніяхъ говорилось, и все настоятельнѣе, что Бориса слѣдуетъ спасти и что онъ будетъ спасенъ черезъ Нину и Катерину Филипповну и удостоится въ ихъ средѣ просвѣтленія и просвѣщенія...

Когда Борисъ, послѣ разговора съ Ниной, прошелъ къ нему въ мезонинъ и объявилъ ему о своемъ рѣшеніиѣ хать съ нимъ къ Татариновой, князь Есперъ даже позеленѣлъ весь отъ злости и нѣсколько мгновеній не могъ собраться съ силами и произнести слово.

— Я, кажется, поразилъ и испугалъ васъ? сказалъ Борисъ.—Мнѣ очень тяжело это видѣть, князь. Я очень благодаренъ Нинѣ Александровнѣ и госпожѣ Татариновой за оказанное мнѣ довѣріе и, повѣрьте, я буду его достоинъ. Вамъ нечего меня бояться. Я, конечно, не могу ручаться, что присоединюсь къ вашимъ убѣждѣніямъ,—это я сказалъ и Нинѣ Александровнѣ; но, во всякомъ случаѣ, что бы ни случилось—я не выдамъ вашей тайны. Я ничего не отрицаю, я ищу истину, не знаю—гдѣ найду ее... Можетъ быть я найду у васъ. Дай Богъ, чтобы это было такъ!.. Вамъ право нечего меня бояться...

И онъ, ласково улыбаясь своей хорошей, молодой улыбкой, крѣпко сжалъ князю руку.

Но тутъ сдѣлалъ гримасу, замигалъ глазами и даже не отвѣтилъ на его пожатіе.

— Мнѣ нечего бояться, Борисъ Сергеевичъ, сказалъ онъ,—мы не преступники, мы не дѣлаемъ ничего противозаконнаго и дурнаго. И если онъ желаютъ—я къ вашимъ услугамъ... я буду ждать васъ завтра и мы вмѣстѣ побѣдимъ...

Такъ они и сдѣлали.

Катерина Филипповна, Пилецкій и нѣкоторые изъ членовъ союза произвели на Бориса очень хорошее впечатлѣніе, что Нина тотчасъ же и замѣтила. У нея даже все лицо засвѣтилось отъ радости.

Но хорошее впечатлѣніе не было продолжительнымъ.

Когда всѣ собрались въ бѣлой залѣ, облаченные въ саваны, Борису сразу стало неловко. Какъ масонъ, онъ ничего не имѣлъ противъ обрядности, противъ известныхъ приемовъ, и потому не могъ объяснить своего чувства, но оно усиливалось съ каждой минутой.

Онъ пристально наблюдалъ за всѣми,—всѣ лица выражали благоговѣніе, всѣ были серьезны, сосредоточены...

Были прочтены молитвы, Евангелие, сказана была однѣмъ изъ братьевъ хорошая проповѣдь. Затѣмъ началось довольно нестройное пѣніе духовныхъ стиховъ—и вдругъ Катерина Филипповна закружилась и запророчествовала. Всльдъ за ней закружились и другие.

Вся зала наполнилась вертящимися фигурами, экстатическое настроеніе стало охватывать мало по малу всѣхъ присутствовавшихъ. Но Борисъ ему не поддавался. А когда закружилась Нина—негодованіе и жалость наполнили его сердце.

Она, высшее, особенное существо, какимъ онъ до сихъ поръ, въ глубинѣ души своей, продолжалъ считать ее,—она вдругъ показалась ему почти смѣшною. Ему стало за нее стыдно.

Онъ былъ въ положеніи трезваго человѣка, окруженнаго пьяными, и для того чтобы избавиться отъ впечатлѣнія такого человѣка, для того чтобы подавить въ себѣ омерзеніе, жалость и смѣхъ, ему оставалось одно—самому опьянѣть.

Онъ попробовалъ это сдѣлать. Онъ сталъ кружиться. Но онъ не былъ подготовленъ къ этому кружению предварительнымъ экстазомъ. Онъ не могъ забыться, а по-

тому у него закружилась только голова—и ничего больше.

Онъ остановился, шатаясь подошелъ къ стулу и сѣлъ. Но голова кружилась до тошноты и эти вертящіяся бѣлыя фигуры только усиливали головокруженіе. Онъ закрылъ глаза и просидѣлъ такъ нѣсколько мгновеній.

Голова все кружилась и тошило. Кругомъ поднялись теперь тихіе стоны, глубокіе вздохи, произносились то тамъ, то здѣсь непонятныя, отрывистыя слова.

Борисъ открылъ глаза. Онъ замѣтилъ, что въ большой комнатѣ почти совсѣмъ темно: кто-то затушилъ канделябры, оставалась горящей лишь одна свѣча. Многіе изъ кружящихся уже попадали на полъ и извивались въ судорогахъ, метались, дѣлали рѣзкія движенія, поднимались на ноги и опять падали въ полуబезпамятствѣ, обхватывая другъ друга руками и катаясь по полу.

Все это производило отвратительное, отталкивающее впечатлѣніе.

Борисъ искалъ глазами Нину. И вотъ онъ ее замѣтилъ.

Она тоже лежитъ на полу, запрокинувъ голову, разметавъ руки.

Онъ бросился къ ней, склонился надъ нею. Лицо ея блѣдно, совсѣмъ безъ кровинки, на лбу выступили крупные капли, глаза закрыты, на губахъ пѣна...

Не помня себя, Борисъ охватилъ ея станъ, приподнялъ ей голову и началъ поднимать ее съ полу. Она полуоткрыла глаза, шептала что-то, сама сдѣлала слабое усиленіе подняться, но сейчасъ же ея руки опять опустились, голова склонилась на плечо. Она находилась въполномъ изнеможеніи, не могла придти въ себя.

Но Борису все же удалось поставить ее на ноги. Онъ оглядѣлся, ища по близости стулъ, и тутъ замѣтилъ лежащаго тутъ же, у самыхъ ногъ своихъ, князя Еспера.

Но глаза князя не были закрыты, а по обыкновенію блѣгали по сторонамъ. Онъ лежалъ смирно, свернувшись, и вдругъ вскочилъ на ноги.

— Она упадетъ, дайте я помогу вамъ, сказалъ онъ. Поднимите ее, вынесемте отсюда, ее надо уложить, чтобы она успокоилась...

Несмотря на все свое волненіе и растерянность, Борисъ все же не могъ не замѣтить, что князь Есперъ совсѣмъ не находится въ экстазѣ и даже очень благородно разсуждаетъ.

Онъ согласился съ нимъ, что лучше вынести Нину изъ залы.

Они бережно ее подняли и снесли въ маленькую комнату, выходившую въ коридоръ, въ которой, какъ и всегда, горѣла лампочка подъ абажуромъ.

— Вотъ сюда... сюда, на кровать! говорилъ суетливо князь.

Они уложили Нину. Борисъ замѣтилъ на столицѣ графинъ съ водой, намочилъ платокъ, приложилъ его ко лбу Нины.

Она скоро очнулась; но еще долго вздрагивала, тяжело дышала и молча сидѣла на кровати, въ своемъ блѣломъ саванѣ, время отъ времени поднимая на Бориса утомленные, какъ будто померкшіе глаза.

Борисъ молчалъ. Онъ былъ возмущенъ до глубины души, онъ былъ исполненъ негодованіемъ.

„Мы во-время встрѣтились, думалъ онъ.—Скорѣй, скорѣй ее вырвать отсюда, отъ этихъ безумныхъ людей, а то она погибнетъ, она умретъ... Боже мой, до чего доходятъ люди!“...

Онъ забылъ совсѣмъ о присутствіи князя Еспера и тутъ только замѣтилъ его рядомъ съ собою.

— Что же это за безуміе, князь?! сказалъ онъ,—что это за варварство?! развѣ можно допускать ее до такого состоянія?—вѣдь она съ ума сойдетъ, умретъ...

— Напрасно вы такъ думаете, тихо отвѣчалъ князь Есперъ.—Отчего же Катерина Филипповна, подвергаясь очень часю и давно, многіе годы, этому вдохновенному

состоянію, не сходитъ съ ума и не умираетъ? Напротивъ, она стала теперь гораздо здоровѣе, чѣмъ была лѣтъ десять тому назадъ... Отчего мы всѣ не сходимъ съ ума и не умираемъ?

Борисъ сверкнулъ глазами.

— Я говорю не о васъ, едва сдѣрживая блѣщенство произнесъ онъ.—Я не знаю, кому это можетъ быть полезно... Вотъ вы спокойны,—такъ и дѣлайте что хотите, но для нея все это не можетъ быть полезно. Посмотрите... видите... Что же это такое?!

Князь Есперъ ничего не отвѣчалъ. Онъ выскочилъ изъ комнатки, вернулся въ залу и, пробираясь между лежащими и корчащимися братьями и сестрами, отыскалъ Катерину Филипповну.

Она сидѣла у стѣны на стулѣ, съ опущенной головою, со скрещенными на груди руками. Она только что пришла въ себя.

— Нечего сказать, хорошо вы поступили! шепнула онъ ей, весь трясясь отъ злости.—Вы предали себя и всѣхъ насъ въ руки врага.

— Что такое? Что вы говорите? стараясь отогнать набѣгавшій на ея мысли туманъ и понять его слова, спросила она.

— Я говорю—вы насъ предали, допустили невѣрующаго человѣка!

— Онъ повѣрить...

— Такъ пойдите, поговорите съ нимъ, тогда и увидите, какъ онъ повѣрить!.. Идите... идите!..

Онъ схватилъ ее за руку и почти силой притащилъ ее въ маленькую комнату.

— Этотъ человѣкъ находитъ, что мы губимъ сестру Нину, что ей вредно состояніе благодати! громко сказалъ онъ.

Татаринова теперь уже совсѣмъ владѣла собой.

— Вы такъ думаете? произнесла она обращаясь къ Борису.

— Какъ же иначе я могу думать! мрачно отвѣтилъ онъ.

— Постараюсь измѣнить ваше мнѣніе и доказать вамъ, что вы ошибаетесь. Пожалуйста пріѣзжайте ко мнѣ завтра днемъ или вечеромъ,—когда хотите,—я всегда дома... Я на свободѣ поговорю съ вами, мнѣ многое нужно сказать и объяснить вамъ... Обѣщаете ли вы мнѣ пріѣхать?

— Хорошо, я завтра у васъ буду. А теперь ради Бога успокойте какънибудь Нину Александровну... Не пускайте ее туда... не пускайте!

Затѣмъ онъ обратился къ князю Есперу:

— Вы были такъ добры, что привезли меня сюда и я очень попрошу васъ и увезти меня отсюда, мнѣ очень бы хотѣлось поговорить съ вами.

— Я къ вашимъ услугамъ, сухо отвѣтилъ князь Есперъ.

Борисъ сдѣлалъ глубокій поклонъ Татариновой, пожалъ холодную руку Нины.

Потомъ они съ княземъ прошли въ комнату, где братья обыкновенно надѣвали на себя саваны, и сняли съ себя эту „ангельскую“ одежду.

Когда дверцы дожидавшейся ихъ кареты захлопнулись и лошади тронулись—Борисъ началъ раздраженнымъ, взволнованнымъ голосомъ:

— Я былъ ко многому приготовленъ, но ничего такого не ожидалъ! И я теперь понимаю, отчего вамъ такъ непріятно было везти меня на собраніе...

— Можетъ быть вы хотите этимъ сказать, прошу пѣть князь Есперъ,—что мы уже не можемъ расчитывать на вашу скромность?

Онъ самъ былъ въ такомъ блѣщенствѣ, что позабылъ всю свою осторожность. Онъ уже не трусилъ, какъ по обыкновенію, или, вѣрнѣе, трусилъ въ такой степени, что уже не разсуждалъ, и казался храбрымъ.

— Нѣтъ, я этого не хочу сказать, стискивая зубы

отвѣтилъ Борисъ,—вы можете расчитывать на мою скромность. Но я потребую отъ васъ одного условія.

— А, вы ставите условія!.. это надо было отговорить заранѣе...

— Вы меня ничѣмъ не смутите, князь, я знаю что говорю и что дѣлаю, и отвѣщаю передъ своей совѣстью. Да, я ставлю одно условіе: я не желаю вмѣшиваться въ ваши дѣла, въ дѣла госпожи Татариновой, всѣхъ, кого я сегодня у нея видѣлъ. Но Нина Александровна не должна больше принадлежать къ вашему союзу, вы должны ее освободить, хотя бы въ виду того, что она слишкомъ слаба здоровьемъ, а рисковать жизнью человѣка никто не имѣеть права...

— Она не ребенокъ, она совершеннолѣтняя, ни отъ кого не зависитъ и сама отвѣтить можетъ за себя! прошепталъ князь Есперь.—И я, право, не понимаю, по какому праву вы вмѣшиваетесь въ ея жизнь... Вы ей не братъ, не родственникъ... этимъ вмѣшательствомъ вы компрометтируете Нину Александровну...

Онъ съ замираніемъ сердца ждалъ, что отвѣтить ему Борисъ на это.

„Неужели у нихъ уже решено?.. неужели она рѣшилась... Нѣть, не можетъ быть этого!!“...

— Я знаю Нину Александровну давно, сказалъ Борисъ;—но еслибы я только сегодня ее въ первый разъ увидѣлъ, и увидѣлъ то состояніе, въ которомъ мы ее оставили, я имѣлъ бы право говорить такъ, какъ я говорю...

И онъ повторилъ свое требование такимъ рѣшительнымъ тономъ, что князя Еспера даже всего такъ и скрючило.

— Я вамъ совсѣмъ все это сказать завтра Катеринѣ Филипповнѣ, все зависитъ отъ нея, а я тутъ не при чемъ, наконецъ выговорилъ онъ, а самъ думалъ:

„Увертывается... но все же, кажется, еще ничего нѣтъ, а то бы онъ не такъ отвѣтилъ!“...

Борисъ еще не понималъ ясно, при чемъ тутъ князь Есперь, но чувствовалъ что-то противное, и этотъ человѣкъ вдругъ сталъ ему отвратителенъ...

На слѣдующій день Катерина Филипповна должна была убѣдиться, что ея откровенія ее обманули. Борисъ имѣлъ съ нею для нея очень непріятное объясненіе. Она ни въ чемъ не могла убѣдить его. Но за то онъ краснорѣчиво и доказательно убѣдилъ ее въ необходимости оставить Нину въ покой и не приглашать ее больше на собранія.

Катерина Филипповна скоро отказалась отъ борьбы съ нимъ и, оставаясь такой же любезной, кроткой и тихой, продолжая ласкать его своимъ мягкимъ взоромъ, сказала ему:

— Да, пожалуй вы и правы, она очень болѣзнина и сильныя ощущенія могутъ быть для нея вредны... Я обѣщаю вамъ, что, пока она находится въ такомъ состояніи, я не буду звать ее на собранія...

Въ концѣ концовъ Борисъ уѣхалъ, также какъ и княгиня, довольный Татариновой.

Теперь ему предстояло объясниться съ Ниной.

Подкарауливъ удобную минуту, онъ со всею горячностью, на какую былъ способенъ, сталъ доказывать ей, что она себя губить, что она далека отъ истины, что въ этихъ дикихъ и странныхъ собраніяхъ она не только не найдетъ Христа, но Его потеряетъ и, кроме того, умретъ.

Онъ ждалъ борьбы, спора; а между тѣмъ Нина безъ возраженій, внимательно его слушала. Его слова согласовались съ тѣмъ, что такъ часто нашептывалъ ей тайный голосъ, во что она не разъ сама почти готова была вѣрить. Но вдругъ съ нею произошло что-то странное: она уже совсѣмъ готова была сказать Борису, что онъ правъ, она поняла, что нашла въ его словахъ для себя крѣпкую опору, что теперь можетъ вырваться изъ подъ чаръ, которыя ее до сихъ поръ окутывали,—а между

тѣмъ, будто противъ воли, будто подъ давленіемъ какой-то непреоборимой силы, въ нее внѣдрившійся, упорно стала защищать свои заблужденія.

Она была дѣйствительно больна, раздраженіе ея первое было доведено до высшей степени...

Борисъ началъ опять настаивать на томъ, чтобы она приняла его предложеніе. Онъ не сомнѣвался въ согласіи своихъ родителей; чтобы получить это согласіе ему стоило только сѣѣздить въ Горбатовское, куда онъ все равно и такъ собирался, потому что они не прѣѣхали въ Петербургъ и звали его.

Нина упрямно отказывалась, доводила его до отчаянья.

— Не могу, не могу!.. Это невозможно! твердила она почти безмыслиемъ на него глядя.

И ничего больше онъ не могъ отъ нея добиться. Онъ уѣхалъ наконецъ, понявъ, что нужно обождать, дать ей возможность успокоиться...

А черезъ нѣсколько дней онъ узналъ, что она больна, что у нея горячка...

Для него началось мучительное время. Онъ долженъ былъ соблюдать приличія, скрывать отъ всѣхъ свое горе. Онъ по цѣлымъ днямъ оставался безъ извѣстій, не находилъ себѣ места.

Наконецъ онъ не выдержалъ, отправился къ княгинѣ и имѣлъ съ нею объясненіе. Онъ признался ей во всемъ, но не открылъ ей тайну Нины, не открылъ ей того, что видѣлъ на сберицѣ у Татариновой.

Онъ говорилъ ей только о дурныхъ вліяніяхъ—и княгиня поняла его. Она конечно оказалась на его сторонѣ, благодарила за откровенность, успокоила его относительно здоровья Нины.

— Доктора увѣряютъ, что нѣтъ опасности, ей лучше, наступитъ кризисъ,—она начинаетъ выздоравливать...

— Знаете что, сказала княгиня,—раньше какъ чрезъ двѣ недѣли она все же не можетъ выйти изъ комнаты, а вѣдь у насъ уже весна... Къ тому времени станетъ совсѣмъ тепло. Я увезу ее въ свою подмосковную—такъ и доктора совсѣмъ. Я хотѣлаѣхать позднѣе, но все равно. Мы прѣдемъ въ самое лучшее время. Вы, дѣлать нечего, потерпите, а я обѣщаю вамъ, что она за лѣто успокоится... я уже постараюсь объ этомъ...

И она такъ ему улыбнулась своей широкой улыбкой, что онъ въ невольномъ порывѣ схватилъ и поцѣловалъ ея руку.

— Я успокою ее, повторила княгиня.—Она откажется отъ своихъ бредней. Если хотите, я буду даже вашимъ корреспондентомъ. Въ концѣ августа мы вернемся сюда и тогда—милости просимъ! Богъ дастъ все обойдется, все хорошо устроится. Эта болѣзнь спасетъ ее.

Такъ она рѣшила и такъ оно и сдѣжалось.

Какъ ни тяжело было Борису, но онъ видѣлъ, что приходится потерпѣть. Послѣ разговора съ княгиней онъ уѣхалъ съ Ниной передъ ея отѣздомъ.

Она была еще очень слаба, но выраженіе ея лица ей понравилось. Въ немъ было меньше прежней загадочности, странности. Не смотря на слабость и блѣдность, Нина казалась все же болѣе здоровой, чѣмъ была до болѣзни.

Они говорили немного. Борисъ ни на чёмъ не настаивалъ и ничего не требовалъ...

Когда онъ прощался, Нина долго не выпускала изъ своей еще болѣе похудѣвшей руки его руку и заплакала.

— До свиданья! сказала она. Вы будете мнѣ писать?

— Конечно буду...

II.

Въ родномъ гнѣздѣ.

Владимиръ Горбатовъ очень изумлялся, глядя на своего брата.

Онъ не разъ начиналъ съ нимъ разговоръ о томъ, что же Борисъ намѣренъ наконецъ дѣлать, скоро ли примется за службу, скоро ли подумаетъ объ устройствѣ своей карьеры.

Но Борисъ каждый разъ отвѣчалъ ему, какъ и въ первый день своего пріѣзда, что дорожитъ больше всего свободой, что хочетъ сначала ко всему приглядѣться.

— Какъ же я буду служить, когда еще не рѣшилъ вопроса—на какомъ поприщѣ, въ какомъ дѣлѣ могу принести пользу?!

Владимиръ усмѣхался и въ его всегда полузакрытыхъ глазахъ выражалось даже нѣкоторое презрѣніе.

— Да ты, кажется, и вправду не приготовленъ къ жизни! говорилъ онъ,—у тебя все тѣ же студенческие взгляды... Съ какой стати заранѣе толковать о пользѣ?.. Я думаю, что пользу всегда и вездѣ можно принести... Необходимо сдѣлать карьеру, забрать въ руки силу... Чѣмъ больше у тебя будетъ силы въ рукахъ, тѣмъ и больше пользы принесешь....

— Съ этимъ я согласенъ. Но все же, не выяснивъ того, что необходимо выяснить, я считаю недобросовѣстнымъ браться за какое бы то ни было дѣло.

— Знаешь что, мой другъ,—перебилъ его Владимиръ,—ты бы хоть женился. Конечно, это надо хорошо обдумать... Хочешь, я тебѣ назову теперешнихъ нашихъ выгодныхъ и хорошихъ невѣстъ?..

— Выгодныхъ—въ какомъ смыслѣ?

— Въ смыслѣ положенія, связей, наконецъ и состоянія.

— Не трудись и называть! Мои понятія о выгодности невѣстъ совсѣмъ не сходятся съ твоими.

— Прекрасно, я спорить съ тобой не стану, наши споры, вѣдь это ужъ извѣстное дѣло, ни къ чему не приведутъ... Но позволь тебѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе.

— Пожалуйста.

— Ты вотъ говоришь, что присматриваешься. Къ чему же ты присматриваешься? Ты совсѣмъ не бываешь въ обществѣ, иногда по цѣлымъ днямъ не выходишь изъ своихъ комнатъ, читаешь, мечтаешь, Богъ тебя знаетъ, что дѣлаешь; а если и выѣзжаешь куда, такъ вѣдь я даже не знаю, въ какомъ кругу ты вращаешься,—во всякомъ случаѣ не въ нашемъ... Да, pardon, ошибся: ты частенько бываешь у „генеральши“, или, вѣрѣ, у княгини Маратовой... Ты знаешь, я уже нѣсколько разъ слышалъ о томъ, что ты ухаживаешь за этой ея воспитанницей, mademoiselle Nina?!..

Борисъ вспыхнулъ. Но Владимиръ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ впечатлѣнія, произведенаго его словами, хотя оно отъ него не ускользнуло.

— Очень красавая дѣвушка, продолжалъ онъ,—только не въ моемъ вкусѣ. Она такъ блѣдна... такие глаза странные... Знаешь, иногда она совсѣмъ точно выходецъ изъ гроба! Это не я, это Катринъ такъ про нее сказала. Катринъ хоть и не умна, но у нея бываютъ иногда мѣткія опредѣленія... Впрочемъ, о вкусахъ не спорятъ. Я даже понимаю, что она именно въ твоемъ вкусѣ, да и на меня, пожалуй, въ извѣстномъ настроеніи, можетъ произвести впечатлѣніе... такія минуты бываютъ... Но, Борисъ, прости мнѣ мою откровенность, я, собственно говоря, все же не понимаю, что ты съ нею дѣлаешь? зачѣмъ она тебѣ? Съ нею можно потанцевать, въ мрачномъ настроеніи духа можно и поговорить съ нею, такъ какъ она всегда мрачна... Но ухаживать за нею—съ какой цѣлью?.. Соблазнять ты ее навѣрное не захочешь...

— Владимиръ! крикнулъ Борисъ.

— Чего же ты сердишься, вѣдь я и говорю: не захочешь...

— Ты могъ бы вообще не касаться этого.

— Но мнѣ кажется—я имѣю нѣкоторое право интересоваться тобою?.. думалъ, что имѣю право и быть съ

тобою откровеннымъ, что ты мнѣ этого не запретишь...

— Я ничего не запрещаю!

— А въ такомъ случаѣ я опять повторю: съ какой же цѣлью это ухаживанье? Вѣдь жениться на ней ты не можешь...

— Владимиръ, я съ тобою не заговаривалъ о племянницѣ княгини Маратовой. Я не могу отвѣтить за всякий вздоръ, который могутъ болтать въ обществѣ; но вообще мнѣ было бы интересно узнать—на какомъ основаніи ты находишь, что на ней нельзя жениться? Катринъ можетъ называть ее привидѣніемъ, но вѣдь все таки она живая дѣвушка—почему же на ней нельзя жениться?

— Вообще жениться на ней очень можно, сказалъ Владимиръ.—Говорятъ, княгиня дастъ за нею даже хорошее приданое и чуть ли не сдѣлаетъ ее своей единственной наслѣдницей... Такъ что у этой барышни найдется не мало претендентовъ... Но я говорю именно про тебя одного, или вообще про людей нашего круга... подобный mesalliance былъ бы нелѣпостью!

Вся кровь кинулась въ голову Бориса.

И это говорить его братъ, и говорить именно про нее—чего же ожидать отъ другихъ въ такомъ случаѣ! Борисъ былъ увѣренъ, что его отецъ и мать взглянутъ не такъ. Но уже обрисовалась тягостная картина будущихъ семейныхъ отношеній, уже ясно стало ему, что семья распадается совершенно, что между его семьею и семьею брата въ будущемъ останется очень мало общаго.

Негодованіе охватило Бориса, но онъ конечно воздержался. Онъ не хотѣлъ ссоры и не долженъ былъ выдавать себя до времени. Онъ только сказалъ голосомъ, которому постарался придать самый спокойный тонъ:

— Перестанемъ говорить объ этомъ, мы и тутъ не поймемъ другъ друга. Я подъ неравнымъ бракомъ подразумѣваю совсѣмъ не то—старый мужъ и молодая жена, и наоборотъ, мужъ и жена ни въ чемъ несходящіеся другъ съ другомъ—вотъ это, по моему, дѣйствительно mesalliance!..

Братья разстались съ тѣмъ тяжелымъ чувствомъ, которое оба они испытывали почти послѣ каждого объясненія другъ съ другомъ.

Владимиръ долго еще презрительно улыбался. Брать падалъ въ его глазахъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. И хотя онъ почти не сознавалъ этого, но все же, въ сущности, онъ даже былъ радъ такому паденію. Онъ не могъ побѣдить въ себѣ чувства зависти; но оно успокоивалось, когда онъ помышлялъ о томъ, что такому человѣку какъ Борисъ не стоитъ завидовать, что несмотря на все свое образованіе, онъ никогда ничего не достигнетъ, будетъ дѣлать только глупости, будетъ вредить себѣ какъ уже и теперь вредитъ.

„Три мѣсяца въ Петербургѣ—и ничего не устроилъ! не бываетъ именно у нужныхъ людей, не сѣѣздили даже представиться великому князю—это Богъ знаетъ что такое!..“

„Но что же у него въ самомъ дѣлѣ съ этимъ привидѣніемъ?! неужели онъ думаетъ на ней жениться?.. Нѣтъ, это было бы черезчуръ уже нелѣпо... но вѣдь отъ него всего ожидать можно, и именно въ такомъ духѣ! Однако этого нельзя допустить, это унизительно было бы для семьи, могло бы мнѣ повредить“...

Таковы были его мысли.

Встрѣтивъ Катринъ онъ сказалъ ей:

— Можемъ поздравить другъ друга съ новой родственницей—Борисъ женится.

Катринъ внезапно ожила.

— Какъ?! На комъ?! Въ самомъ дѣлѣ?! Да вѣдь онъ ни у кого не бываетъ, ото всѣхъ бѣгаешьъ!.. развѣ границей? На комъ же?

— На воспитанницѣ княгини Маратовой!

— Что тебѣ за охота говорить такой вздоръ! а я думала—ты серьезно...

Художественная выставка въ Имп. Акад. Худ. Русскій воинъ XIV стол.
Съ картины В. П. Верещагина, по фотогр. Вишнякова, грав. Дедзегъ.

— Я и такъ очень серьезно, Катринъ. Видишь ли, онъ мнѣ ни въ чемъ не признался; но я имѣю основаніе думать, что къ тому клонится.

— Послушай, если это не шутка, такъ вѣдь надо серьезно и хорошенько подумать... Онъ съ ума сошелъ! этого нельзя же допустить, вѣдь ты понимаешь!.. это было бы позорно для всѣхъ настъ...

— Поэтому то я и сказалъ тебѣ, я тебя предупреждаю...

— Пусть она только покажется ко мнѣ!—Я ей и такъ уже въ послѣдній разъ дала понять... Но вѣдь эти люди ничего не понимаютъ!.. Теперь же церемониться больше не стану, нѣтъ!—Пусть покажется—увѣ-

рю—въ слѣдующій разъ уже не вернется! Нѣтъ, скажите пожалуйста, до чего доходятъ!

— Только ты ему ничего не говори, замѣтилъ Владимиръ.

— Не беспокойся!

Но Катринъ не удалось оскорбить Нину. Нина заболѣла, а потомъ уѣхала съ теткой въ деревню.

Такимъ образомъ и Владимиръ и Катринъ мало-помалу о ней забыли. Лѣто все они провели въ Горбатовскомъ...

По прїѣздѣ въ родное Горбатовское, Борисъ почувствовалъ себя совсѣмъ обновленнымъ.

(До слѣдующ. №).

Полковникъ изъ Золотоноши.

Историческая повѣсть

А. Н. Кирилова.

(Продолженіе).

IX.

Осипа, несчастная Феня, жена его, сочла умершимъ и служила по немъ панихиды. Никакой вѣсточки не приходило обѣ немъ. Казачки привыкли,—бывали такие случаи. Между тѣмъ вотъ что происходило съ нимъ въ иныхъ, далекихъ отъ степной деревеньки Краснохижинъ, мѣстахъ...

Было еще очень рано, когда нѣсколько всадниковъ подѣѣзжали къ селенію Скуляны, лежащему на берегу Прута, на линіи нашей границы съ Молдавией. Судя по усталому виду самихъ всадниковъ и ихъ коней, было видно, что имъ пришлось совершилъ значительный ночной переходъ. Откуда и кто они? — никто не зналъ. Ёхавшіе на встрѣчу изъ села молдаване, быстро сворачивая съ дороги, боязливо снимали шапки и съ недоумѣніемъ смотрѣли на группу хорошо вооруженныхъ и богато убранныхъ воиновъ. Впереди группы юнкъ высокаго роста, статный, еще молодой генераль. Красивое лицо его выражало озабоченность. Онъ задумчиво смотрѣлъ своими большими черными глазами на впереди растянувшуюся водную равнину Прута, углубясь въ свои думы, видимо волновавшія его. Смѣлая и ловкая посадка придавала генералу какой то рыцарскій оттѣнокъ и указывала въ немъ воина уже не мало видѣвшаго боевыхъ зрѣлищъ и не разъ слыхавшаго свистъ пуль и грохотъ канонады. Черная повязка на правой руцѣ,—рука эта была отнята у него почти по локоть послѣ кроваваго боя подъ Дрезденомъ въ 1813 году,—еще болѣе о томъ напоминала. Позади генерала везли трехцвѣтное знамя изъ цвѣтовъ — чернаго, бѣлаго и голубаго, съ крестомъ и девизомъ—„Симъ знаменіемъ побѣдиши“.

Свита генерала состояла изъ шести человѣкъ. Молодые, блестящіе всадники, прекрасныя лошади, золотомъ шитые чепраки, вооруженіе — все говорило, что это люди лучшихъ фамилій и лучшей обстановки жизни.

Это было 6-го марта 1821 года. Весенняя распутица дѣлала дорогу невозможной; по молдаванскимъ степямъ въ весенне время можно ѿхать только верхомъ. Всадники выѣхали изъ Кишинева еще съ вечера. Подъ утро стало холода. Надъ Прutомъ стоялъ густой туманъ, еще не разсѣянный только что показавшимся на горизонте солнцемъ. Низенькия, бѣлыя хаты деревни слѣ выглядывали изъ тумана своими неправильными очертаніями. Деревня только что проснулась и уже начиналась обыденная суeta, когда въ окопицу вѣѣхала группа всадниковъ и направилась прямо къ переправѣ. По пути встрѣчались въ высокихъ бѣлыхъ головныхъ уборахъ молдаванки и низко кланялись, изъ иныхъ изѣ выносили хлѣбъ и кукурузную мамалыгу въ знакъ покорности и радушки. Хозяева молдаване держали себя сдержаннѣе. Снявъ шапки, они съ беспокойствомъ провожали глазами удаляющихся всадниковъ. На ихъ вѣку приходилось имъ видѣть много всякаго рода войска, проходившаго мимо ихъ мирныхъ жилищъ, и уже по опыту знали они, что такого рода посѣщенія — худое предзнаменованіе...

На пристани около переправы стояла четырехъ-мѣстная коляска, на высокихъ рессорахъ, только что вошедшіхъ въ то время въ употребленіе. Вдали, подъ навѣсомъ, понуря голову, стояла шестерка лошадей, только что выпряженныхъ и крайне изнуренныхъ длиннымъ перѣѣздомъ по тяжелой, грязной дорогѣ. Нѣсколько молдаванъ перевозчиковъ озабоченно смотрѣли на прїѣхавшихъ всадниковъ, соображая, можно ли еще будеть переправить всѣхъ на ту сторону. Кругомъ невылазная грязь и охватывалъ сырой, холодный весенний воздухъ.

Генералъ подѣѣхалъ прямо къ колясѣ, изъ которой выглянула красивая молодая женщина въ дорожномъ костюмѣ и въ капорѣ, обшитомъ цунцовыми лентами, окаймлявшими ея прекрасные черные волосы.

— Лассани уже переправился? спросилъ генералъ дѣловымъ, озабоченнымъ голосомъ.

— Только что переправился, отвѣтила дама. Мы хотѣли

переправиться вмѣстѣ, но перевозчики отказались везти экипажъ, и Лассани пришлось перѣѣхать Прутъ на лодкѣ.

— Это давно было?

— Полтора часа тому назадъ.

— Ротмистръ Гарновскій! звучно сказалъ генералъ, обращаясь къ свитѣ.

Подскакалъ молодой польскій офицеръ въ уланскомъ мундирѣ и въ высокихъ ботфортахъ.

— Осмотрите перевозъ и устройте, чтобы въ два раза можно было переправить и свиту и экипажъ. Черезъ часъ мы должны быть на той сторонѣ.

Ротмистръ быстро соскочилъ съ лошади, распорядиться переправой, а генералъ со свитою подѣѣхалъ къ близь стоящей молдаванской хатѣ, гдѣ всѣ спѣшились и расположились временнымъ бивуакомъ.

Генералъ этотъ былъ князь Александръ Ипсиланти, адъютантъ и преданный другъ князя Каподистрія, любимца императора Александра I, ставшій во главѣ и принявший командование надъ войсками гетеріи въ Молдавіи и Валахіи. Въ настоящую минуту князь Ипсиланти былъ озабоченъ и встревоженъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла. Наканунѣ въ Кишиневѣ происходило бурное собраніе гетеристовъ; участвовало множество представителей отъ разныхъ эфорій, прибывшихъ съ самыхъ отдаленныхъ концовъ Греціи. Многіе предлагали, чтобы первоначальное возстаніе поднять въ самой Греціи, гдѣ уже распространены были слухи о скоромъ прибытіи князя Ипсиланти. Князюсовѣтовали тайно отправиться въ Триестъ, откуда на кораблѣ прибывть въ Морею, онъ принялъ бы тамъ начальство надъ отдѣльными отрядами клефтовъ, а въ день Благовѣщенія поднялъ бы знамя независимости. Это предложеніе поддерживали соображеніемъ, что начать борьбу въ гористомъ Пелопонезѣ и въ лѣсистыхъ мѣстахъ Эпира и Фессаліи гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ на равнинахъ Молдавіи и Валахіи. Однако предложеніе не было принято. Отдано предпочтеніе дѣйствіямъ со стороны княжествъ, на томъ основаніи, что молдавскій господарь Михаилъ Суцо состоялъ членомъ гетеріи, а внезапная смерть валахскаго господаря Александра Суцо давала возможность подчинить и это княжество вооруженной силѣ гетеріи. Самъ князь Ипсиланти не высказывалъ никакого мнѣнія, но когда большинство рѣшило за дѣйствія со стороны Молдавіи и Валахіи, онъ увидалъ себя лицомъ къ лицу съ великимъ дѣломъ и громадною отвѣтственностью. Молодой генералъ смущился за свои силы на такое великое предпріятіе. Напутственный молебенъ и торжественная клятва, которую произнесли послѣ молебна всѣ гетеристы, наконецъ самыя задушевныя напутствія, которыми сопровождался отѣѣздъ его изъ Кишинева, не могли успокоить его смущенія и взволнованныхъ чувствъ. Всю дорогу онъ юнкъ молча, задумчивый, останавливая свои мысли то на той, то на другой сторонѣ предстоящаго ему, неизвѣстнаго, тревожнаго будущаго.

Сопровождали князя его адъютантъ, полковникъ Лассани, котораго онъ послалъ теперь къ молдавскому господарю, увѣдомить о вступлении въ княжество, два брата его — Георгій и Николай, князь Георгій Кантакузенъ, лейтенантъ черноморского флота Георгій Мано и Ольга, прибывшая съ Лассани нѣсколько ранѣе къ перевозу. Въ завѣданіи Ольги находилась казна гетеристовъ, заготовленные экземпляры воззваній, планы и соображенія будущихъ военныхъ дѣйствій.

— Я думаю, князь, обратился Ипсиланти къ Кантакузену, когда они помѣстились вокругъ стола на лавкахъ въ молдаванской избѣ, думаю, что часамъ къ десяти мы должны быть въ Яссахъ; вѣдь отъ Кагула до Яссъ не болѣе десяти верстъ.

— Ваше сіятельство, по всей вѣроятности, дождется полковника Лассани въ Кагулѣ?

— Непремѣнно, но онъ настъ не задержитъ. Ему слѣдуетъ

только уведомить господаря. Часть туда, часть оттуда—къ двадцати часамъ онъ долженъ вернуться.

Князь Ипсиланти не совсѣмъ довѣрялъ искренности господаря Михаила Суцо, хотя тотъ и состоялъ членомъ гетеріи, хотя и увѣрялъ въ письмахъ о своемъ содѣйствіи и содѣйствіи молдавскаго народа. Правда, принимая на себя командование боевыми силами гетеріи въ Молдавіи, Ипсиланти зналъ, что въ княжествѣ сосредоточено до двухъ тысячъ гетеристовъ, изъ которыхъ ему тотчасъ же возможно будетъ образовать первоначальный отрядъ; но содѣйствіе молдавскаго господаря ему во всякомъ случаѣ было необходимо для сбора новыхъ конскриптовъ и для снабженія вновь образуемаго войска фуражемъ и провіантомъ безъ военныхъ реквизицій, что крайне было бы затруднительно, а въ виду скораго прибытія турецкихъ войскъ, даже опасно. Еще большую противъ князя Ипсиланти обнаруживалъ подозрительность Кантакузенъ. Онъ былъ сперва сторонникъ возстанія въ Мореѣ, а потому просто не довѣрялъ обѣщанному содѣйствію Михаила Суцо.

— Отъ души былъ бы радъ успѣху возложеннаго на полковника Лассани порученія, замѣтилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, но сомнѣваюсь, ваше сіятельство, чтобы оно было такъ просто, какъ вы изволите полагать.

Такое странное замѣчаніе взорвало Ипсиланти. Онъ строго посмотрѣлъ на князя и ничего не отвѣтилъ. Сомнѣнія выражаются на самомъ порогѣ начинавшагося дѣла—это произвело на него тяжелое впечатлѣніе.

— Лейтенантъ, обратился онъ, немножко погодя, къ Мано, по-заботитесь, чтобы какъ можно скорѣе была готова переправа. Вы морякъ и можете помочь ротмистру Гарновскому.

Неумѣстность замѣчанія князя Кантакузена почувствовали всѣ; почувствовалъ и самъ князь.

— Извините, ваше сіятельство, за нескромно выраженное мною сомнѣніе, обратился онъ къ Ипсиланти, стараясь загладить свою ошибку.

— Это вѣрно, князь, отвѣтилъ сухо и надменно Ипсиланти. Совѣщанія теперь уже кончились и началось дѣло, и при томъ боевое дѣло. Я желалъ бы, чтобы предположенія и сомнѣнія моихъ подчиненныхъ высказывались только въ то время, когда имъ предложить высказаться на военномъ совѣтѣ.

— Князь это сказалъ нечаянно, замѣтилъ миролюбиво Николай Ипсиланти, онъ еще не свыкся съ условіями нашей военной дисциплины.

— Я не имѣю ничего противъ васъ, князь, подавая руку сказали генералъ,—и если сказалъ нѣсколько рѣзко, то только въ виду того, что намъ нужно уже начинать дѣйствовать, а не гадать и разговаривать.

Минутная вспышка прошла, но всѣ оставались подъ нѣсколько тяжелымъ впечатлѣніемъ, у всѣхъ безсознательно мелькнуло, что это худой признакъ, дурное предзнаменованіе.

Черезъ часъ переправа была готова. Съ одного берега до другаго былъ перекинутъ канатъ, а изъ нѣсколькихъ лодокъ, насланныхъ досками, былъ составленъ помѣстительный паромъ. Отъ весеннаго розлива рѣка подняла свои темныя воды вровень съ берегами. Сильное теченіе постоянно призывающихъ водъ затрудняло и работу и самую переправу. Ольга все время сидѣла въ экипажѣ. Ей первой пришло испытать затрудненія и опасность этой наскоро устроенной переправы. Молдаване суетились, кричали и шумѣли на своемъ гортаннымъ языкомъ, пока на рукахъ не перетащили на паромъ коляску, погруженную по ступицу въ грязь. Потомъ начали вводить лошадей; лошади стали биться, качать паромъ. Канатъ до тогонатянулся, что вотъ-вотъ порвется иброситъ на произволъ волнъ неуклюжій и тяжело нагруженный паромъ. Ольга закрыла глаза. Отъ усталости, отъ волненія, отъ качки ей сдѣлалось дурно. Что-то тяжелое давило ея голову, кровавые образы мелькали въ ея воображеніи, и только на другомъ берегу она пришла въ себя, но усталая, блѣдная, въполномъ упадкѣ силъ. Лейтенантъ Мано, все время руковѣшившій переправой, подошелъ освѣдомиться о ея здоровьї.

— Что съ вами, княгиня, спросилъ онъ, увидѣвъ, что она блѣдна какъ полотно.

— Ничего, лейтенантъ, немного дурно. Распорядитесь, пожалуйста, перевезти коляску куда нибудь къ сухому мѣсту. Мнѣ нуженъ свѣжій воздухъ—здѣсь очень душно, въ коляскѣ, проговорила она слабымъ голосомъ.

Коляску перетащили къ стоявшей на берегу кафандѣ. Румынъ помогъ Ольгѣ выдти изъ экипажа и ввелъ ее въ свою избу. Здѣсь Ольга задремала, но сонъ былъ непродолжителенъ. Черезъ часъ ее разбудила хозяйка, говоря, что ее зоветъ генералъ. Ольга едва собрала мысли, съ болѣшимъ усилиемъ приподнялась, поправила волосы, и лишь только встала съ постели, почувствовала головокруженіе. „Боже!“ подумала она, „это только начало нашего дѣла; достанетъ ли у меня сильѣ и энергіи...“ но въ комнату вошелъ Ипсиланти и перебилъ ея размышленія.

— Извините, княгиня, я попросилъ бы васъ какъ можно скрѣе собраться. Мы сейчасъ отправляемся во дворецъ къ господарю. Лассани вернулся и привелъ съ собою отрядъ пандуръ, который будетъ насть сопровождать. Все это сказано было Ипсиланти дѣловымъ тономъ, хотя замѣтно было, что онъ доволенъ пышностью, которой окружалъ его господарь для вѣзда въ Яссы.

Въ коляскѣ были сняты фордеки, и шестерка съ форейторомъ не безъ труда повезла ее по убѣдительно тяжелой дорогѣ, до Яссы. Ольга и князь Ипсиланти заняли мѣста въ экипажѣ, сзади щахъ отрядъ пандуръ съ трехцвѣтнымъ знаменемъ; вокругъ коляски гарцевала свита. Кортежъ былъ поистинѣ великолѣпенъ. Вѣзакая въ узкія улицы Яссы (тогда еще немощенія асфальтомъ) и обдавая брызгами грязи столпившейся на улицахъ народъ, поѣздъ Ипсиланти взволновалъ весь городъ и породилъ среди горожанъ невольный страхъ и недоумѣніе. Не успѣли вожди гетеріи подѣхать ко дворцу господаря и отдать обычныя привѣтствія, какъ вся площадь передъ дворцомъ наполнилась народомъ, спрашивавшимъ и интересовавшимся пріѣздомъ въ городъ русскаго генерала со свитою. Дѣло, скоро объяснилось: тысячи экземпляровъ воззванія на греческомъ и молдавскомъ языкахъ призывали народъ подняться противъ невѣрныхъ и въ напыщенныхъ выраженіяхъ намекалось при этомъ на помощь Россіи.

Въ это самое время, когда весь городъ волновался призывомъ къ оружію и къ борѣѣ противъ турокъ, и притомъ призывомъ, сдѣланнмъ русскимъ генераломъ—съ противоположной стороны отъ Галаца вѣзжала въ Яссы молдавская подвода, на которой сидѣло два сѣдока: одинъ—запорожецъ Осипъ, другой—знакомый ему галацкій турокъ, обѣщавшій помочь ему сдѣлать болѣе выгодную покупку желѣза для задунайскихъ куреней и именно въ Яссахъ, гдѣ онъ уже давно завѣлъ торговыя сношенія. Тихонъко поднялись они въ верхнюю часть города и не обратили вниманія на проскаравшіе мимо нихъ два конныхъ отряда арнаутовъ, думая, что у господаря какое либо празднество; но едва они вѣзжали на площадь, какъ поражены были необычайнымъ скопищемъ народа и сильнымъ народнымъ волненіемъ.

— Плохо, русь, началъ бормотать турокъ, коверкая русскій языкъ.

— Чего плохо, со мною не бойся, возразилъ Осипъ, который самъ не понималъ хорошенько причины народнаго движенія. На всякий случай онъ насыпалъ пороху на затравку пистолетовъ и осмотрѣлъ оружіе.

Черезъ толпу имъ пробраться не было никакой возможности. Кругомъ ихъ образовалась плотная масса—ихъ, что называется, затерли. Турокъ поблѣдѣлъ и сидѣлъ, какъ вкопанный; Осипъ озирался кругомъ, выжидая, что будетъ дальше. Съ полчаса стояли они въ ожиданіи, нельзя ли будетъ какъ нибудь проѣхать площадь или выбраться въ боковыя улицы, но толпа все прибывала и прибывала. Наконецъ какой-то грекъ въ военной формѣ, похожей на форму донскихъ казаковъ, взявъ подъ уздцы лошадей, началъ поворачивать ихъ назадъ, въ узкій небольшой переулокъ, гдѣ, казалось, было иѣсколько свободнѣе.

— Здѣсь не пробѣшься, казакъ, обратился онъ къ Осипу; вези его въ нижнюю гауптвахту, тамъ ихъ уже человѣкъ тридцать нахватали.

— На кой мнѣ бѣсь твоя гауптвахта, и какого черта вы тамъ хватаете, закричалъ съ сердцемъ Осипъ, теряя терпѣніе. Можешь помочь намъ выкарабкаться изъ этой западни, такъ помогай, а гауптвахту припасай для себя.

— Да ты кто же такой? спросилъ съ изумленіемъ грекъ.

— Ай не видишь кто—запорожецъ.

— А турокъ твой?

— Да, мой пріятель, ну проводи что ли лошадей, мы за дѣломъ пріѣхали, а не горланить здѣсь съ вами попусту.

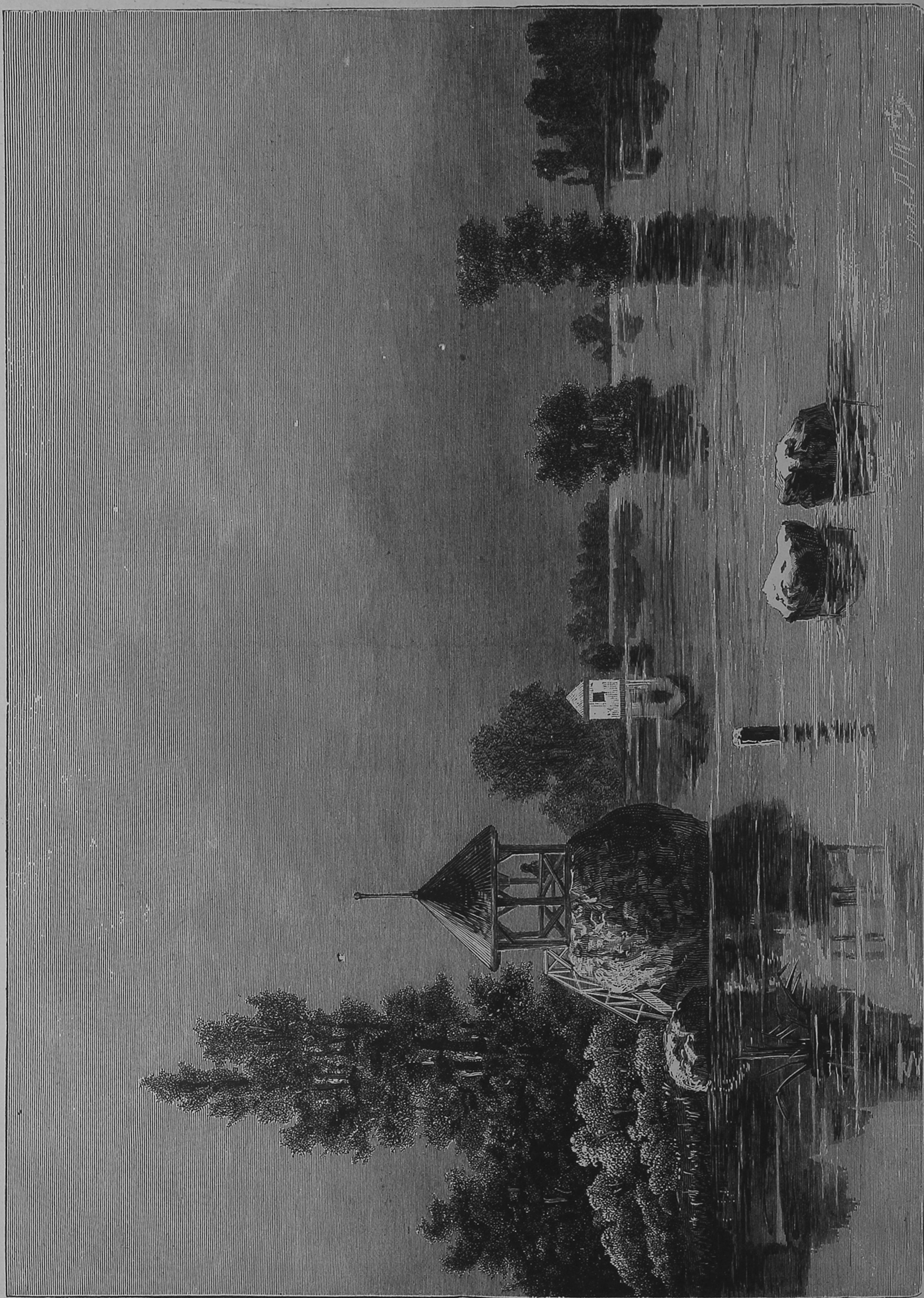
— Нѣть, постой, казакъ, ты видно не туда попалъ, былъ отвѣтъ грека, и съ этими словами онъ скрылся, а толпа, съ любопытствомъ осматривая турка и Осипа, становилась еще плотнѣе. Не прошло впрочемъ десяти минутъ, какъ сквозь ту же толпу пробиралось человѣкъ шесть всадниковъ—вооруженныхъ арнаутъ, а съ ними и скрывшійся грекъ. Пробившись къ подводѣ, грекъ снова схватилъ подъ уздцы лошадей и молча повелъ ихъ подъ коучоемъ въ ближайшій переулокъ.

— Ты за что же это насъ арестовалъ? началъ Осипъ, мы развѣ вами мѣшаемъ чѣмъ нибудь—черти! прости Господи!

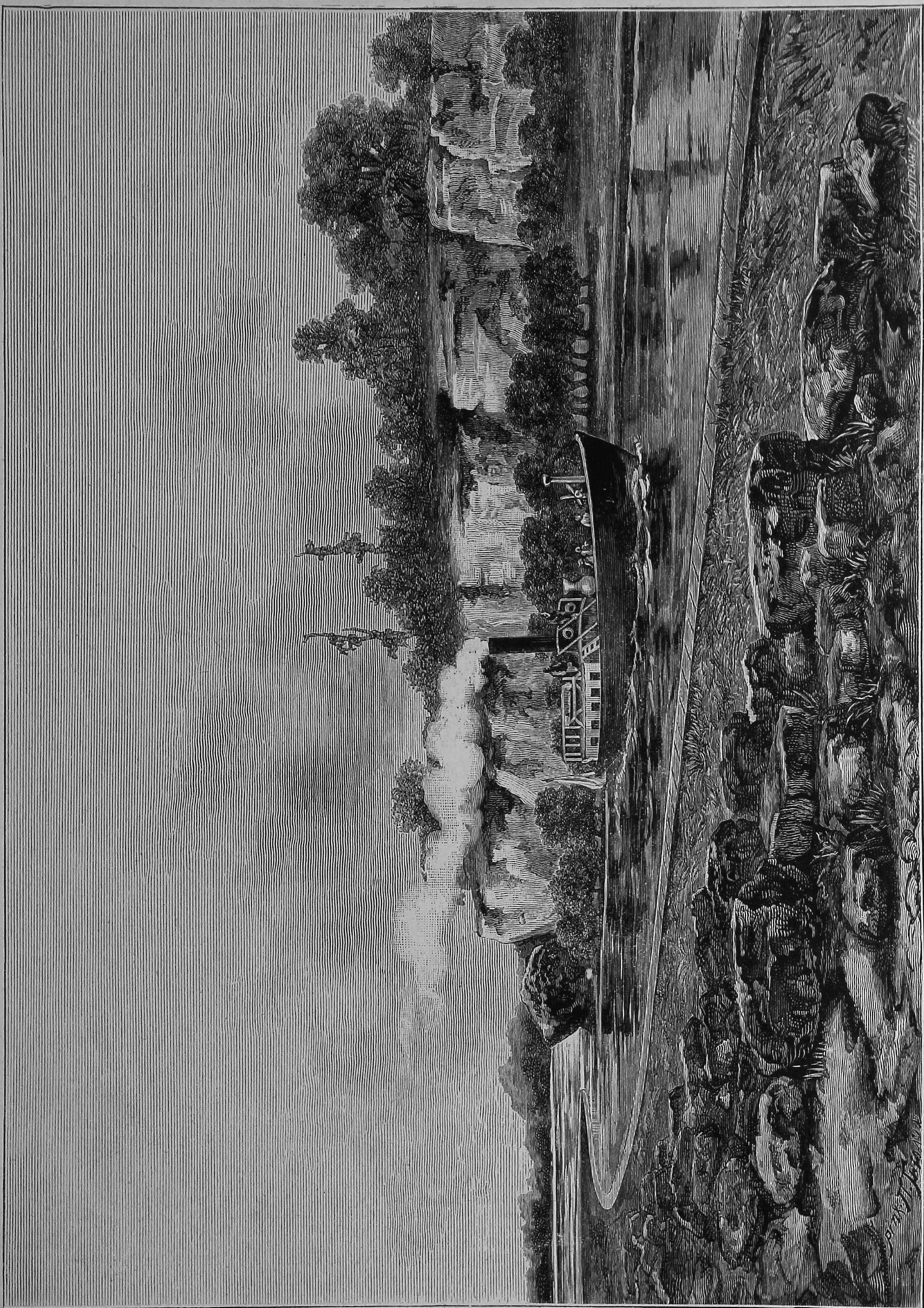
— Плохо, плохо, русь, началъ шептать турокъ, потерявъ голову, не выйдешь отсюда.

— Молчи ты, говорять тебѣ, ничего не будешь! крикнулъ Осипъ, начиная сердиться.

Черезъ пустой почти переулокъ подводу ввели на нижнюю площадь, въ углу которой расположена была небольшая казарма съ гауптвахтой. Лишь только подвода остановилась, на арестованныхъ накинулось иѣсколько стоявшихъ около гауптвахты пандуръ, сперва обезоружили обоихъ, потомъ скрутили имъ назадъ руки, и въ концѣ концовъ надѣли на ноги тяжелыя турецкія кандалы. Осипъ рвался и бранился, началъ, было, сопротивляться, но неожиданность нападенія и перевѣсь силы взяли верхъ; наоборотъ, неповоротливый турокъ съ спокойнымъ хладнокровiemъ безпрекословно покорился неожиданной для него злой участіи. Арестованныхъ ввели въ подвалный этажъ гауптвахты. Сырость и холода охватили вошедшихъ. Пробивавшійся сквозь небольшія верхнія окна свѣтъ едва освещалъ большой казематъ, въ которомъ помѣщалось около пятнадцати человѣкъ узниковъ—турокъ, захваченныхъ съ утра въ Яссахъ, послѣ провозглашенія прокламаціи князя Ипсиланти. Нѣкоторые изъ нихъ были тяжело ранены и стонали отъ боли, прочие съ со-

На Саймскомъ озерѣ въ Финляндіи. Ориг. рис. П. П. Гнѣдича, грав. М. Ращевскій.

Саймскій каналъ въ Финляндіи. Ориг. рис. П. П. Гафніча, грав. Гельштейнъ.

страданіемъ смотрѣли на несчастныхъ, но не могли ничѣмъ облегчить ихъ страданій; у нихъ были, какъ и у Осила, скручены назадъ руки. Особенную жалость возбуждалъ высокаго роста, красивый и богато одѣтый анатоліецъ. По всей вѣроятности, онъ оказывалъ при арестованіи сильное сопротивленіе. Израненаго, окровавленаго и обезсиленаго отъ потери крови, его приковали къ стѣнѣ каземата съ распятыми руками, а шею приковали желѣзнымъ обручемъ, прикрепленнымъ гайкою къ той же стѣнѣ. Изъ ранъ анатолійца сочилась кровь. Онъ былъ блѣденъ какъ полотно; большие, черные глаза начинали тускнѣть; тяжелое хриплое дыханіе предвѣщало близкую смерть.

— Ну, попалъ же я въ этакой адъ! подумалъ Осиль. Отсюда и не выберешься пожалуй.

Но гдѣ пребыванія между сѣчевиками пріучилъ Осила хладнокровно смотрѣть на всякаго рода неожиданности и на возможность смерти. Только здѣсь, въ тюрьмѣ, Осиль узналъ о начавшемся восстаніи за независимость Греціи. Ему рассказали, что всѣхъ жившихъ въ Яссахъ турецкихъ купцовъ схватили и засадили въ казематы, что уже три дня тому назадъ шайка албанцевъ, подъ предводительствомъ Василія Коравоя, извѣстнаго плута, галацкаго грека, напала на турецкія суда и перерѣзала до тридцати человѣкъ мирныхъ турокъ; что господарь Михаилъ Суцо самъ испугался отчаянныхъ дѣйствий и мѣръ Ипсиланти и уѣхалъ изъ Молдавіи. Всѣ трепетали отъ ужаса, ожидали неминуемой гибели.

Вечеромъ вошелъ въ казематъ греческій офицеръ для переписи арестованныхъ, но не объяснилъ этимъ несчастнымъ, какая ихъ ожидаетъ участъ. И проходя мимо прикованного анатолійца, который уже часа два какъ испустилъ духъ, онъ даже не распорядился снять его трупъ. Оставшися, заживо погребенные, послѣ ухода офицера, объясняли это въ дурную сторону и видѣли въ этомъ самое дурное предзнаменование.

„Чего доброго и меня вздернуть“, подумалъ Осиль. Досадно ему было, что такъ глупо попалъ онъ въ западню. „Добро бы сгинуть въ бою, а то быть повѣщенными со связанными руками, словно баранъ какой—это не по казацки“, все думалъ онъ. Здѣсь въ его памяти стали мелькать образы прошлаго, родины — какъ съ нимъ бывало во всякую трудную минуту жизни. Передъ своими онъ считалъ себя виноватымъ, и грустныя думы давили грудь злосчастнаго казака. Въ казематѣ наступила мгла, сырой воздухъ понемногу сталъ наполняться міазмами отъ разлагавшагося трупа; кругомъ слышались стоны или тихія молитвы Аллаху. На Осила нашло озѣреніе, какая-то безчувственность ко всему окружающему. Онъ машинально прилегъ на сырой, холодный полъ, голова его отяжелѣла, лихорадочная, смутная видѣнія носились въ мозгу, не давая ему покоя. Передъ утромъ онъ сталъ спокойнѣе, сны лучше, радужнѣе—передъ нимъ являлась Ольга, снимая кандалы и, снилось ему, крѣпко цѣлюя его...

Послышалось на зарѣ звяканье двери каземата и тяжелый желѣзный засовъ съ грохотомъ упалъ на полъ.

— Запорожецъ Осиль? крикнулъ, войдя въ казематъ высокій пандуръ, съ звѣрскимъ, непріятнымъ лицомъ.

— Я, отвѣтилъ Осиль, вставая и безсмысленно смотря на караульного.

— Иди за мною, приказалъ онъ.

Осиль вышелъ. За нимъ затворили двери каземата, словно засыпали ту живую могилу, изъ которой его только что вывели. Окрѣпшіе отъ воздуха нерви возвратили ему сознаніе ужаснаго положенія, въ какомъ онъ провелъ ночь. И ужасъ, и жадность къ заживо погребеннымъ овладѣли имъ.

Пандуръ привелъ его въ караулку, гдѣ сидѣвшій за столомъ офицеръ тотчасъ же распорядился отвести его подъ конвоемъ въ войсковую канцелярію. Въ тѣхъ же тяжелыхъ кандалахъ и съ завязанными руками, повели его черезъ цѣлый городъ къ господарскому дворцу, гдѣ помѣщалася канцелярія. Здѣсь опять встрѣтилъ его греческій офицеръ и приказалъ двумъ арнаутамъ вести его за собою. Они прошли длиннымъ коридоромъ и вошли въ небольшую комнату, въ которой уже было нѣсколько офицеровъ.

— Вотъ запорожецъ, что приказали привести, доложилъ офицеръ полковнику Лассани, узнавшему объ немъ изъ списковъ арестованныхъ турокъ и пожелавшему его видѣть.

— Хорошо, отвѣчалъ небольшаго роста, худощавый полковникъ Лассани, отличавшійся симпатичнымъ голосомъ и изысканными манерами. Прикажите подождать въ коридорѣ.

— Чѣмъ онъ вѣсъ такъ заинтересовалъ? спросилъ князь Кантакузенъ Лассани, когда вывели Осила.

— Меня нѣсколько онъ не интересуетъ, отвѣтилъ Лассани, но его пожелала видѣть княгиня Ольга Константиновна.

— А ей для чего? замѣтилъ, улыбаясь, ротмистръ Гарновский.

— Это ея дѣло, отвѣтилъ сухо и строго Лассани; притомъ же главнокомандующій распорядился арестовать только турокъ, возводя же противъ себя запорожцевъ нѣтъ никакого смысла. Я раздѣляю вполнѣ взглядъ княгини, что слѣдуетъ всѣми силами стараться возбуждать въ нихъ расположение, а не ненависть.

— Тогда чего же его держать въ кандалахъ и съ завязанными руками? спросилъ Мано.

— Объ этомъ я сейчасъ доложу, проговорилъ Лассани и

ушелъ въ верхнія комнаты дворца, гдѣ помѣщался главнокомандующій, его штабъ и княгиня Ольга.

По приказанію Ипсиланти, съ Осила тотчасъ же сбили кандалы, развязали руки и, снявъ допросъ, объявили ему, что онъ свободенъ. Его снабдили видомъ для безпрепятственного слѣдованія за Дунай, а также сдѣлали распоряженіе о возвращеніи ему подводы, лошадей и даже оружія. Осиль хотѣлъ было уходить, какъ къ нему подошелъ караульный офицеръ и сообщилъ, что его желаетъ видѣть одна дама. Все это было такъ необычно, неожиданно, и таинственно, что Осиль рѣшительно растерялся. Онъ сталъ объяснять офицеру, что онъ запорожецъ, что у нихъ нѣтъ по куренямъ ни одной женщины, что никакой дамы онъ не зналъ и знать не желаетъ. Но офицеръ настаивалъ на своемъ и чуть не силою втолкнулъ его въ соседнюю комнату, гдѣ онъ увидѣлъ Ольгу.

— Здравствуй, казакъ, сказала она, пристально взглянувъ на Осила.

— Здравствуйте, княгиня, проговорилъ онъ сухо и почти неизрѣзанно, не понимая зачѣмъ она его позвала и какую она роль играетъ во всѣхъ его злоключеніяхъ.

— Тебя нечаянно арестовали вмѣстѣ съ турками?

— Арестовали и чуть не задушили, отвѣтилъ съ сердцемъ, сверкнувъ глазами, Осиль.

— Не сердись, перебила его мягко Ольга, ты запорожецъ и самъ знаешь, что значитъ война.

— Да я ни съ кѣмъ еще не воевалъ, да и не знаю, съ кѣмъ воевать придется... Тутъ ничего не поймешь...

— О! теперь уже извѣстно—поймешь, кто кому врагъ: кто за свободу Греціи—тотъ нашъ другъ, кто противъ пея—тотъ нашъ врагъ! Ваши запорожцы за кого думаютъ стать? Неужели они останутся на службѣ у басурмана, у нехристей?!

— Не знаю, княгиня, это дѣло атамановъ и рады, отвѣтилъ неохотно Осиль, явно выражая свое желаніе поскорѣе удалиться.

— Ну, а ты за кого желалъ бы стоять?

— За кого Сѣчъ, за того и я буду, отвѣтилъ тотъ еще сердитѣе.

— Я тебя не задержу, мнѣ нужно съ тобою сказать только нѣсколько словъ. Тебѣ, значитъ, все равно — ты уже не принадлежишь себѣ. Куда атаманы, куда рада, туда и ты! Такъ ли? Этого быть не можетъ. Атаманы вѣсъ изъ за своихъ интересовъ поведутъ противъ единовѣрцевъ, которымъ вы должны быть друзьями. Я уѣждена, Осиль, что ты умнѣе другихъ, что ты способенъ не только стоять въ рядахъ разбойнической шайки, а дѣлать получше что нибудь.

— Я такой же, какъ всѣ, ни хуже, ни лучше. Мы служимъ султану, и будемъ вѣрно служить ему, пока онъ не тронетъ нашей вѣры и нашихъ порядковъ. Такъ говорятъ въ Сѣчи, такъ и я!

— И вы будете воевать противъ грековъ, противъ христіанъ, единовѣрцевъ?

— Пока у насъ еще нѣтъ распоряженій объ этомъ, а какъ будутъ—то атаманы соберутъ насъ...

Ольгѣ только и нужно было додуматься отъ Осила, есть ли на Сѣчи распоряженія готовиться къ войнѣ. Но она хотѣла заручиться дружбою Осила, предвидя, что такой умный и смѣлый казакъ въ случаѣ войны будетъ имѣть влияніе на запорожцевъ. Наконецъ (она сама себѣ въ томъ не признавалась) Ольгу увлекала красота Осила, его статная фигура, его смѣлый взглядъ, напоминавший ей лучшаго человѣка, котораго она знала, друга, мужа, котораго потеряла въ волнахъ Босфора...

Греки не желали бы воевать съ храбрымъ запорожскимъ войскомъ, проговорила она, и если имъ придется такое несчастіе, они всегда будутъ ихъ щадить...

— У запорожцевъ не такъ, княгиня. Если другъ — такъ другъ, если врагъ — такъ ужъ врагъ на смерть.

— Ну, ты не такой, полагаю. Нынче я тебя спасла отъ смерти, а въ будущемъ, быть можетъ, и ты чѣмъ нибудь мнѣ поможешь, проговорила она слегка вздохнувъ.

Осиль посмотрѣлъ на Ольгу. Она была такъ же прелестна, такъ же ангельски добра и привлекательна, какъ онъ видѣлъ ее въ Блюменталь.

Сердце казака забилось какъ бы нѣсколько сильно, чувство благодарности за спасеніе жизни сдѣлало его привѣтливѣе.

— Спасибо, княгиня, сказалъ онъ съ чувствомъ. Что будетъ впереди — Богъ одинъ знаетъ, — я всячески буду стараться сдѣлать тебѣ дѣло.

— Прощай, Осиль! сказала спокойно и тихо Ольга, вслѣдъ уходившему.

Осиль вышелъ изъ дворца. Еще было рано — всего шесть часовъ. На площади никого не было, кругомъ тихо.

Подходя къ нижней площади, гдѣ ему должны были отдать лошадей, онъ встрѣтилъ возвращавшійся съ площади народъ. Всѣ обѣ чѣмъ то говорили оживленно, но мрачно, серьезно. На площади онъ былъ пораженъ ужасной картиной: въ четыре ряда пятьдесятъ турецкихъ труповъ качались, чернѣя на вѣслицахъ и первымъ висѣлъ его товарищъ!.. Осиль содрогнулся... Получивъ лошадей, онъ, не оглядываясь, торопился выѣхать изъ Яссъ.

— Ну, греки! не жалѣютъ веревокъ! Что народу загубили! Боже ты мой!

X.

Страна, выносившая на своихъ плечахъ уже нѣсколько вѣковъ безконечные удары враждующихъ, лежащая на перепутьи воевав-

шаго когда то христіанского міра съ мусульманскимъ, служивша постяною ареною буйной борьбы славянства противъ Византіи, а потомъ попавшая подъ иго турокъ, и терзаемая подъ владычествомъ господарей-фанаріотовъ, страна эта снова объята была пламенемъ восстанія, но не согрѣтаго единствомъ цѣли и общностью стремленій. На одномъ концѣ, въ Яссахъ, стоялъ русскій боевой генералъ, призывающій стать подъ его знамя во имя независимости Греціи, на другомъ—въ самой Валахіи сформировалось движение вокругъ патріота-валаха Владимироско, храбраго волонтера, приставшаго къ русскимъ войскамъ во время турецкой войны 1811 года. Владимироско питалъ мрачную, глубокую ненависть къ фанаріотамъ и грекамъ-чекоямъ, грабившимъ валашовъ. Развѣлять стремленій гетерій онъ не могъ; у него были свои цѣли: избавить народъ отъ нестерпимаго ига чекоевъ и архонтовъ, и восстановить прежнее правленіе самостоятельныхъ господарей. Одно было общее у этихъ двухъ предводителей—это жажда независимости и самостоятельности своихъ соотечичей, но они силою вѣками, вкоренившимъ другъ къ другу ненависти, не могли жертвовать жизнью одинъ за цѣли другаго.

Послѣ смерти валашскаго господаря Александра Суцо страшной овладѣли три народныхъ предводителя: Владимироско, жаждущій возвращенія странѣ древнихъ правъ, отмѣны откупной системы фанаріотовъ и дарованія устройства, основанного на древнихъ народныхъ учрежденіяхъ; Савва, тайный сторонникъ назначенаго портою новаго господаря изъ фанаріотовъ, и Іоргаки, приверженецъ дѣла гетерій и ярый приверженецъ Испиланти. Всѣ три предводителя не довѣряли другъ другу, каждый подозревалъ другаго въ тайныхъ замыслахъ и всѣ трое страшились появленія турецкихъ войскъ въ Валахіи, имѣя тайная сношенія съ Силистрійскимъ пашею Селимъ-Махмедомъ. Самое занятіе ими 27 марта Бухареста, казалось какимъ-то робкимъ шагомъ съ ихъ стороны и сопровождалось множествомъ непростительныхъ въ боевое время уступокъ, имѣвшихъ цѣлью ослабить противъ себя ненависть турокъ. Всѣ три предводителя дѣйствовали не сообща, а выжидали событий, и появление въ серединѣ апрѣля подъ Бухарестомъ Испиланти съ пятитысячнымъ корпусомъ развязало только тайный узель, связывавшій намѣренія трехъ предводителей.

Май мѣсяцъ—самый чудный мѣсяцъ въ придунайскихъ княжествахъ. Степная, удушливая жара еще не настала; нагорный съ Карпатъ свѣжій и сухой воздухъ умѣряетъ наплывъ зноя. Природа роскошно оживилась силою благодатной почвы и живительностью чистаго весеннаго воздуха.

По большой дорогѣ отъ Яссъ и Фокшанъ, не доѣзжая верстъ пять Бухареста, по обѣимъ сторонамъ ея раскинуто веселѣкое валашское селеніе Каленшина, принадлежащее княгинѣ Гика. Подѣѣзжая къ нему, издали кажется, что это обширный садъ, среди котораго раскинуто множество красивыхъ бесѣдокъ—это избы мѣстныхъ поселянъ-валаховъ. Отъ площади посреди деревни, внизъ къ небольшой рѣчкѣ, черезъ которую перекинутъ красивый мостъ, и вверхъ, по косогору, тянется широкая аллея пирамидальныхъ тополей, ведя ко дворцу княгини, напоминающему древній замокъ съ башнями и портиками средневѣковой архитектуры. Свѣтлые лучи весеннаго полудня окрашивали въ яркій свѣтъ эту мирную картину деревенскаго покоя и довольства, и наводили на мысль, что именно здесь пріоцилось человѣческое счастье, душевный покой, любовь и согласіе.

Но взглянемъ кругомъ. Весеннее солнце освѣщаетъ большою военный лагерь только что пришедшаго войска, расположившагося на окраинѣ деревни, по изумрудно зеленѣющему лугу. Толпы уставшихъ воиновъ озабочены хлопотами обѣ утоленіи голода и устройствѣ себѣ возможныхъ бивуачныхъ удобствъ. Лица устали, угрюмы и даже какъ бы озлоблены. На площади, гдѣ передъ тѣмъ собирались по вечерамъ поселяне для хороводовъ подъ флейты мѣстныхъ музыкантовъ, гдѣ только что царствовали радость, беззаботность и веселье, нынѣ расположень карауль, блестяще ряды составленныхъ въ пирамиды ружей, штыки играютъ на солнечныхъ лучахъ. Лежать солдаты у своихъ ружей, не обращая вниманія на роскошь окружающей природы. Вокругъ, ходить взадъ и впередъ—бодрствуетъ только часовой, хладнокровно посматривая на роскошную аллею и дворецъ, гдѣ расположился главнокомандующій.

Въ обширномъ кабинетѣ, выходящемъ окнами въ садъ, сидѣлъ за столомъ князь Испиланти, углубленный въ разсмотрѣніе карты Валахіи, то и дѣло перенося булавки съ одного пункта ея на другой. Сидѣвшая противъ него Ольга молча наблюдала за нимъ, желая разгадать соображенія главнокомандующаго по рядамъ свѣтлыхъ булавочныхъ головокъ, означавшихъ отряды войскъ гетеристовъ, валашовъ и предполагаемаго расположенія турокъ.

— Не понимаю я ихъ, княгиня, нетерпѣливо заворчалъ генералъ, послѣ получасовой работы надъ картою. Не понимаю, главное потому, что не знаю, кто мнѣ врагъ, кто союзникъ.

— Ваше сіятельство видѣли Іоргаки, замѣтила Ольга.

— Видѣлъ,—не что же? А Савва, а Владимироско? У Владимироско три тысячи пандуръ, четыре орудія. Они дѣйствуютъ крайне двусмысленно; по всему видно, хотятъ держаться въ сторонѣ.

— Это только нерѣшительность или подозрительность; но если ваше сіятельство удостовѣрите ихъ, что помощь русскихъ войскъ близка, я увѣрена, сомнѣнія ихъ разсѣются, они смѣло станутъ подъ знамя гетерій.

— Но чѣмъ же удостовѣрить, княгиня?—вотъ вопросъ? Обманомъ?!—больше нечѣмъ, сказалъ Испиланти, глубоко вздохнувъ. Я вамъ не говорилъ о моей перепискѣ, продолжалъ Испиланти тихо и нервно. Отвѣтъ полученъ и не оставляетъ болѣе никакихъ сомнѣній.

— Развѣ все кончено, князь?

— Почти.

— Не можетъ быть, проговорила съ испугомъ Ольга, пораженная словами князя.

— Изъ Яссъ я писалъ и просилъ о помощи, но въ отвѣтъ получилъ отъ князя Каподистрія письмо: приказано мнѣ сказать, что совершенно не одобряютъ моего предпріятія, что я пошелъ не прямою, закономъ дозволеною дорогою, а потому ни въ какомъ случаѣ не могу расчитывать на сочувствіе или, тѣмъ болѣе, на помощь. Этого мало, княгиня: вчера я получилъ повелѣніе изъ Петербурга немедленно возвратиться въ Россію и дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Испиланти долго молчалъ.

— Что дѣлать?—самъ не знаю, проговорилъ онъ и началъ ходить по кабинету. Впереди—грозить врагъ, кругомъ—измѣнники, позади—позоръ. Это ужасно!

— Упрекать здѣсь кого нибудь, не думаю, чтобы было основаніе, сказала холодно Ольга.

— Вы думаете? Вы сомнѣваетесь? спросилъ раздраженно Испиланти, остановившись передъ Ольгою. Вы думаете, княгиня, кто такой Владимироско и чей онъ союзникъ? Вы думаете нашъ?—нѣтъ. Всѣ его увѣренія о необходимости двинуть гетеристовъ за Дунай, что тамъ ожидаютъ настъ Болгары, что будто бы около Зимницы болгаринъ Христо-Пенко приготовилъ суда для переправы—все это западня. У меня въ рукахъ перехваченное прошеніе Владимироско, въ которомъ онъ, жалуясь Портѣ на свое всевольства и насилия гетеристовъ, предлагаетъ вытѣснить настъ изъ княжества и встрѣтить турокъ какъ друзей.

— Неужели это правда, князь? вскрикнула Ольга, блѣднѣя.

— Правда, горькая правда, княгиня. Мы всѣ обмануты, а болѣе всѣхъ я. Мой штабъ, чуть не во всеуслышаніе, обвиняетъ меня въ трусости, за то, что я не занимаю Бухарестъ, не иду на встрѣчу турокъ къ Дунаю; но можно ли при такихъ условіяхъ вступать въ ратоборство съ сильнымъ врагомъ, имѣя рядомъ завѣдомыхъ измѣнниковъ, готовыхъ броситься вами во флангъ?.. Сегодня я отдалъ приказъ отступать къ Тарговиште, можетъ быть нашествіе турокъ образумить валашскихъ предводителей и заставить крѣпче примкнуть ко мнѣ. Тогда у насъ до тридцати тысячъ войска и еще можно будетъ бороться; теперь же рѣшительно невозможно.

— Какой же исходъ? спросила Ольга сосредоточенно, стараясь сообразить настоящее положеніе дѣла.

— Для меня одинъ: я встрѣчу врага, во сколько бы разъ онъ сильнѣе меня ни былъ, погибну съ своимъ баталіономъ; у него на знамени, какъ и у меня, одинъ девизъ—свобода или смерть, отвѣтилъ нервно Испиланти.

— Что вы такое говорите, князь; развѣ такъ можно рѣшать дѣла, создаваемыя въ теченіи многихъ лѣтъ усилиями всего народа, возразила Ольга почти съ упрекомъ. Проигрышъ дѣла въ княжествахъ еще не остановитъ дѣла Греціи. Гетерія не погибнетъ и не сложитъ оружія. Вы представитель боевой силы греческаго народа; но отъ васъ больше ждутъ, чѣмъ храброй смерти въ бою, на это способенъ каждый солдатъ.

— Что жъ? это вѣрно, княгиня, началъ Испиланти, подумавъ. Вы истинная патріотка, вы поддерживаете мои надежды; но въ княжествахъ наше дѣло проиграно и проиграно. Мы вѣдь начали свое дѣло на чужой землѣ.

— Если такъ, князь, нужно думать какъ его закончить здѣсь и начать у себя дома.

— Единственно, что можно сдѣлать, чѣмъ можно помочь дѣлу, это снискать расположеніе вѣнскаго двора, убѣдить Вѣну, что наше дѣло настолько же законно, насколько святы цѣли священнаго союза. Вѣна—наша стратегическая база и политическая база. Тамъ нуженъ намъ уполномоченный, и вы, княгиня, должны тудаѣхать.

— А въ Петербургъ?

— Въ Петербургѣ послѣ отвѣта Каподистрія дѣлать нечего, притомъ же въ нашемъ дѣлѣ Петербургъ говоритъ голосомъ Вѣны.

— Я выѣзжаю сегодня, проговорила тихо Ольга, какъ бы обдумывая что-то.

— Вы чѣмъ-то затрудняетесь, княгиня?

— Нѣтъ, я обдумываю цѣли моихъ домогательствъ въ Вѣнѣ. Ослабить вліяніе священнаго союза, а пока обеспечить путь отступленія?..

— Вы дипломатъ, княгиня, именно такъ, отвѣтилъ Испиланти, садясь въ кресло и показывая усталымъ видомъ, что ему тяжело вести дальнѣйшій разговоръ обѣ этомъ.

— Пропадите, ваше сіятельство, сказала Ольга уходя. Не падайте духомъ! Самый худой конецъ иногда служить начальствомъ самого лучшаго дѣла.

(До слѣд. №).

Современное Парижское общество.

Очеркъ Ш. Вейсенфельса.

По время второй империи парижская жизнь достигла небывалого еще до той поры блеска. Насколько французская столица обновилась и преобразилась великодушными постройками и новым распланированием улиц, бульваров и площадей, настолько и самая общественная жизнь въ великомъ городе, будто бы подъ вліяніемъ какой-то магической силы, сдѣлалась исключительно жизнью удовольствій и роскоши, роскоши ослѣпительной. И Парижъ сталъ тогда лучшимъ городомъ въ свѣтѣ; нигдѣ въ другомъ городе нельзя было видѣть такого проявленія всего, что только есть изящнаго, во всемъ его разнообразіи. Съ полудня и до вечера улицы Парижа являлись чѣмъ-то въ родѣ балетной или оперной сцены. Но съ паденіемъ империи многое измѣнилось. Хотя и въ нынѣшнее время Парижъ является средоточіемъ изящной жизни, но, въ общемъ, вѣнчанее ея проявленіе сдѣлалось грубѣе и проще, и прежняя—бывшая въ такой модѣ—распущенность перестала давать тонъ истинно хорошему обществу. Высшій аристократический, легитимистический кругъ С.-Жерменского предмѣстія, державшійся и при имперіи въ сторонѣ, въ своихъ дворцахъ, нынѣ отстранился еще болѣе отъ ненавидимаго имъ республиканскаго порядка вещей. Герцоги, высокочки временъ имперіи, князья биржи, уже не играютъ теперь никакой роли; они сошли со сцены, скрылись въ мракѣ неизвѣстности, ихъ миллионы исчезли. То, что въ настоящее время считается въ Парижѣ „хорошимъ“ обществомъ, состоить изъ республиканской буржуазіи, которая, обладая свойственнымъ всѣмъ французамъ пристрастіемъ къ жизненнымъ удобствамъ, комфорту домашней обстановки—однако, въ блескѣ и роскоши не понимаетъ ничего; салоны ихъ скучны и довольно приличны, но посѣщаются, по большей части, только вліятельными лицами эпохи. Такому возврату къ простотѣ много способствовалъ примѣръ нынѣшняго президента республики, Жюля Грэви,—обстоятельство, помѣшившее ему приобрѣсть популярность среди парижскихъ дамъ, у которыхъ его буржуазные вкусы отбили всякую охоту къ республиканскому образу правленія. Во время президентства Тьера, наступившаго вскорѣ послѣ великихъ пораженій 1870 и 1871 годовъ, Франція была еще слишкомъ потрясена и погружена въ общую печаль, а потому такъ требовалъ отъ общества извѣстнойдержанности; но во время маршала Макъ-Магона, поселившагося въ Елисейскомъ дворцѣ съ роскошью царственного главы государства, тамъ, почти каждый день, происходили блестящія „réunions“, аристократія, посланники, сановники и высшіе офицеры арміи постоянно наполняли салоны умной и ловкой герцогини-маршальши; и вновь залы Елисейского дворца огласились шумомъ великолѣпныхъ праздниковъ, а дамы получили возможность соперничать роскошью туалетовъ. Ничего подобнаго не видно при Грэви—буржуазномъ скопищѣ. Онъ ведеть съ женой (дочь вышла замужъ за г. Вильсона) будничную жизнь простаго и доброго буржуа, и рѣдкіе праздники, нарушающіе иногда это спрѣнѣкое существованіе, являются только вслѣдствіе необходимости и когда требуетъ того высокій его постъ; баловъ бываетъ не болѣе одного въ годъ, причемъ, обыкновенно, разсыпается такая масса приглашеній, что толкотня мѣшаетъ удовольствію; однимъ изъ немногихъ развлечений для него служить театръ; за обѣдомъ у него бываетъ—кромѣ опять-таки какихъ нибудь особыхъ случаевъ—рѣдко болѣе пары интимныхъ друзей; вечеръ проходитъ въ игрѣ на бильярдѣ или въ шахматы и идетъ онъ спать въ тотъ часъ, когда для парижанъ только начинается общественная жизнь. Другое дѣло былъ Гамбетта, пользовавшійся такимъ огромнымъ вліяніемъ на дѣла и обитавшій, во время бытности президентомъ палаты депутатовъ, въ великолѣпномъ Бурбонскомъ дворцѣ; Гамбетта умѣль и любилъ пожить; но—въ своемъ дворцѣ, впрочемъ, опять собиралъ только мужское общество, преимущественно припадлежавшее къ парламентскимъ кругамъ; блестящимъ праздникомъ ознаменовалъ онъ, лѣтомъ 1879 г., открытие царственного жилища, пригласивъ три тысячи человѣкъ—мужчинъ; не смотря на весь интересъ, который возбуждалъ къ себѣ и среди парижанокъ этотъ „дофинъ республики“, какъ въ наимѣнишку его прозвали журнальный міръ,—дамъ онъ не позвалъ на это торжество; оно, говорять, обошлось въ пятьдесятъ тысячъ франковъ: холодный ужинъ, вина и сигары были превосходны; не менѣе широка и роскошна была и его обыденная жизнь; ежедневно у него обѣдало множество друзей, офицеровъ, депутатовъ, публицистовъ, а также и его любимецъ, актеръ („Французского Театра“) Кокленъ, не мало оживлявшій общество своимъ юморомъ и остроуміемъ; Гамбетта любилъ бывать на вечерахъ, гдѣ собирались знаменитости политического и литературного міра; тамъ онъ, обыкновенно, усѣвшись въ комфортабельное кресло, не безъ высокомѣрія принималъ дань лести, которую предъ нимъ усердно расточали гости—и дамы, и мужчины. Между этими салонами, наиболѣе посѣщавшимися, а также и наиболѣе имѣвшими значенія и вліянія среди господствующаго нынѣ республиканского общества, былъ, несомнѣнно, салонъ г-жи Аданъ (съ которой, впрочемъ, какъ извѣстно, Гамбетта, подъ конецъ, разссорился); г-жа Аданъ (считающаяся, въ на-

стоящее время, одной изъ умнѣшихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, богатѣйшихъ женщинъ среди республиканской партии, гдѣ она пользуется большимъ почетомъ),—вдова финансиста, котораго она сѣумѣла,— пользуясь своимъ вліяніемъ—проводи въ сенаторы республики и который, еще во времена имперіи, сдѣлался республиканцемъ, изъ любви къ своей женѣ (странный источникъ убѣженія!). Г-жа Аданъ—женщина лѣтъ сорока съ небольшимъ и кажущаяся моложе своихъ лѣтъ, чѣму не мало способствуютъ прекрасные большие темные глаза, черные волосы и грациозная фигура; очень привѣтливая и замѣчательно остроумная, она создана для того, чтобы быть средоточиемъ элегантнаго (и, въ такомъ случаѣ, едва ли республиканского) салона; она выступила, подъ своимъ дѣвическимъ именемъ—Жюльетты Ламберъ—на литературное поприще, гдѣ пріобрѣла извѣстность новеллами, рассказами о путешествіяхъ и, въ особенности, своимъ „Журналомъ парижанки“, относящимся ко времени осады Парижа въ 1870—71 гг.; ко всему тому она обладаетъ большими познаніями,—почти ученостью (прекрасно, между прочимъ, владѣя греческимъ языкомъ). Во время имперіи эта „Эгерія республики“ (ея прозвище) соединила вокругъ себя всѣхъ наиболѣе выдающихся республиканцевъ; Грэви, Жюль Симонъ, Жюль Фавръ,—вожди оппозиціи, въ послѣдніе годы имперіи, были ея желанными гостями, не менѣе ихъ также и Тьерь, мало еще извѣстный въ то время Гамбетта и постоянно раздраженный Рошфоръ, которому, послѣ его побѣда изъ Нуайи, г. Аданъ оказалъ большую денежную поддержку. По провозглашеніи республики, г-жа Аданъ пріобрѣла, конечно, большое значеніе и вліяніе въ средѣ господствующей партии, и домъ ея на „Boulevard Poissonnière“ превратился въ одинъ изъ главныхъ центровъ нового республиканского „общества“; все и вся стремились туда, но иногда, однако, „крупные“ любили собираться вокругъ привѣтливой хозяйки и въ болѣе интимномъ кругу. Гамбетта, Викторъ Гюго, старый политикъ Луи-Бланъ, Эмиль де-Жиарденъ—спекуляторъ и старѣйший тогда изъ парижскихъ журналистовъ, были тамъ какъ у себя дома. Депутатъ лѣвой, какъ Клемансо, соперникъ Гамбетты, и Локруа—мужъ овдовѣвшей невѣстки Виктора Гюго, встрѣчались у г-жи Аданъ и съ министрами, находившимися у власти, и съ государственными людьми, свергнутыми противными партиями, и съ полицейскимъ префектомъ Андріѣ, съ генералами, близко стоявшими къ военному министерству. Иной изъ интимныхъ друзей заходилъ и позже полуночи, для того, чтобы узнать все, что только было нового въ Парижѣ, въ политикѣ, въ литературѣ и искусствахъ, такъ какъ заранѣе можно было быть увѣреннымъ, что встрѣтишь болѣе или менѣе выдающихся представителей изъ всѣхъ этихъ областей; тамъ бывалъ и извѣстный книготорговецъ Гетцель, и знаменитый портретистъ Бопна, романістъ Альфонсъ Додѣ, типично-артистическая голова котораго такъ бросается въ глаза, и Александръ Дюма, знаменитый сынъ своего знаменитаго отца, прославившійся послѣ необычайного успѣха его „Dame aux camélias“; бываетъ тамъ и любимецъ г-жи Аданъ—Эмиль Зола, а также юношески-энергичный Лессенсь, которому мало показалось одного міроваго канала—Суэзскаго, почему онъ принялъ и за другой—Панамскій. Иностранцы тоже стремятся проникнуть въ этотъ, первый изъ нынѣшнихъ по своей извѣстности, парижскихъ салоновъ. Нерѣдко появляются въ немъ итальянцы—друзья Гарибальди, какъ генералъ Тюрръ, англичане и испанцы, изрѣдка промелькнетъ и нѣмецъ. Со временемъ войны 1870 г. нѣмцы—въ опалѣ у парижского общества; даже и знаменитости нѣмецкой патіональности принимались не иначе, какъ съ кисло-сладкой улыбкой и то только тогда, когда къ тому вынуждала вѣжливость. А что касается привѣтливой г-жи Аданъ (сдѣлавшейся недавно издательницей нового, быстро получившаго извѣстность и успѣхъ журнала „Nouvelle Revue“), то она—пламенная патріотка и партизанка войны съ нѣмцами за отнятые ими Эльзасъ и Лотарингію. Другимъ центромъ новѣйшаго парижского общества служитъ домъ поэта, старца Виктора Гюго; съ тѣхъ поръ, какъ онъ, такъ беззападно громившій, въ своихъ произведеніяхъ, вторую имперію, возвратился въ Парижъ и тамъ основался, послѣ почти двадцатилѣтняго пребыванія въ изгнаніи, на островѣ Гернзѣ,—французы сдѣлали изъ него нѣчто въ родѣ национального героя; такъ какъ онъ пользуется всякимъ случаемъ, дабы провозглашать Францію единственной цивилизованной страной въ мірѣ, а Парижъ—„мозгомъ міра“, то у французскихъ республиканцевъ вошло въ обыкновеніе не иначе называть Виктора Гюго, какъ величайшимъ изъ живущихъ поэтовъ Франціи и, кстати, всего міра. Въ его маленькомъ и изящномъ домѣ, Avenue d'Elau, близъ Пасси, почти каждый вечеръ собирается кругъ его поклонниковъ и парламентскихъ товарищей по сенату, къ которому онъ принадлежитъ, а также и членовъ палаты депутатовъ, академіи, аристовъ, ученыхъ, писателей, съ ихъ дамами; роль хозяйки дома выполняетъ т-те Жюльетта Друэ, бывшая актриса и уже посѣдавшая подруга юности Виктора Гюго, и его бывшая невѣста, т-те Локруа; эта послѣдня—единственная изъ его взрослыхъ родственниковъ, находя-

щаяся при немъ: одна его дочь утонула, другая замужемъ въ Лондонѣ, и оба сына умерли. Отрадой ему служатъ два маленькихъ внука, живущихъ въ его домѣ. Къ обѣду постоянно приглашается кто-нибудь изъ гостей и за столомъ нерѣдко остаются до десяти часовъ; тѣмъ временемъ въ салонѣ собираются уже всѣ тѣ, кому двери его всегда гостепримно раскрыты; ихъ карточки подаются хозяину къ столу и, затѣмъ, они вхо-

учитель, и къ нему обращаются не иначе, какъ со словами: „*mon maître*“ (учитель!), болѣе къ нему близкіе называютъ его „*mon cher maître!*“ (милый учитель!). Тутъ можно найти очень многихъ изъ тѣхъ, кто встречается и въ салонѣ м-те Аданѣ; но сходящееся у Виктора Гюго небольшое, никогда не превышающее пятнадцати или двадцати лицъ общество, имѣть всякой разъ какой-нибудь особый оттенокъ—это или политическое

Бой двухъ гориллъ. Рис. и гравир. Шпехтъ.

дять безъ всякаго доклада. Старецъ-поэтъ, напоминающій, своей вѣнчаностью и манерами, отставнаго полковника или генерала,—переходитъ съ обѣдавшими въ салонъ, гдѣ завязывается оживленный разговоръ, длящійся до одиннадцатаго часа, послѣ чего всѣ разѣзжаются. Викторъ Гюго, самъ очень разговорчивый и сообщительный, служитъ, однако, для всѣхъ, кто приближается къ нему, предметомъ глубокаго почитанія; онъ—

собраніе, или литературное, или же болѣе интимное, либо международное; часто бываютъ у знаменитаго писателя, между прочимъ, Эмиль Ожье, Эрнестъ Ренанъ и другія знаменитости, артисты и артистки театровъ, въ которыхъ нынѣдается вновь вошедший въ моду репертуаръ Виктора Гюго; нерѣдко появлялась и капризная, первная и причудливая Сара Бернаръ, до нарушенія своего контракта съ *Théâtre Français*. Своей славой

она обязана, собственно, Виктору Гюго, который, давъ ей роль королевы въ „Рюи Блазѣ“, объявилъ, затѣмъ, что она выполннила эту роль въ совершенствѣ. Весь Парижъ увѣровалъ въ слова великаго поэта, и Сара Бернаръ сразу сдѣлалась, въ глазахъ тамошней публики, первой трагической актрисой. Въ своей болѣзненной страсти къ извѣстности и общему поклоненію, Сара Бернаръ прибѣгала къ всевозможнымъ рекламиамъ для того только, чтобы удержаться на той высотѣ, на которую попала; изо дня въ день публика читала различные подробности о ея частной жизни, о ея всеобъемлющей геніальности, о томъ, что она и живописецъ, и скульпторъ, и замѣтательный фельетонистъ, и драматургъ, и смѣлая наездница и, наконецъ, что она превосходно стрѣляетъ изъ пистолета; ея роскошные туалеты сдѣлали ее модной моделью для парижанокъ, тогда какъ у себя дома она принимала одѣтая въ мужское платье; она имѣла также и талантъ надѣлать огромную массу долговъ, несмотря на 60,000 франковъ, которые получала въ „Théâtre Français“; съ дирекціей этого театра Сара Бернаръ разошлась для того, чтобы броситься въ полную приключений жизнь артиста и чтобы составить себѣ состояніе; фуроры въ Америкѣ и на сценахъ другихъ странъ и огромныя суммы, вывезенные ею изъ ея путешествий, показываютъ, что она достигла своей цѣли. Въ Парижѣ, въ настоящее время—подобно тому, какъ было и прежде—безчисленное множество салоновъ, но среди ихъ мы не находимъ такихъ, о которыхъ стоило бы говорить. Каждый „элегантный“ домъ имѣть назначенный вечеръ въ недѣлю для приема гостей и интимныхъ друзей, вечеръ, посвящаемый разговорамъ, музыкѣ, танцамъ и играмъ; изъ игръ, въ пынѣшнемъ парижскомъ обществѣ чрезвычайно распространена „баккара“; иные салоны

отличаются той внимательностью, съ какой предупредительная хозяйка относится къ страсти гостей проигрывать свои деньги: на каминѣ разставлены колонки золота, изъ которыхъ желающій продолжать игру можетъ занимать сколько ему надоѣло; взявши деньги кладеть тутъ же, на каминѣ, свою карточку съ надписью о томъ, сколько имъ взято и—если дорожить своей репутацией въ обществѣ—обязанъ возвратить свой проигрышъ не позже слѣдующаго же дня. Различные клубы, посѣщаемые мужчинами—въ сущности ничто иное, какъ игорные дома, изъятые изъ полицейского наблюденія; баккара не считается запрещенной игрой (какъ *trente et quarante* и рулетка), хотя она и основана на чистой случайности, имѣя, къ тому же, много сроднаго съ *trente et quarante*; около полуночи, когда кончаются спектакли—всѣ эти клубы наполняются и игра длится тамъ до самаго утра; дьяволъ игры старается проникнуть и въ тѣ маленькие, полные таинственности кабинетики бульварныхъ кафе и ресторановъ, гдѣ парижскіе жуиры любятъ проводить ночи за шампанскимъ и дорогого стоящими ужинами; немедленно же посыпается за однимъ изъ, такъ сказать, путешествующихъ содергателей рулетки, который, по большей части, находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ хозяиномъ—всегда тутъ на готовѣ и является въ кабинетѣ со своей маленькой рулеткой, предоставляемой имъ собравшемуся обществу любителей; въ отношеніи стремлѣнія къ удовольствіямъ—въ Парижѣ ничего неизмѣнилось и все осталось по прежнему—впрочемъ, только въ извѣстныхъ кругахъ и части общества, но главный общий его характеръ опредѣляется вкусами и образомъ жизни тѣхъ круговъ, которые состоятъ изъ людей, обладающихъ громкимъ именемъ, или же пользующихся вліяніемъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Поэту.

(Памяти В. А. Жуковскаго).

Если кто нибудь, жизнью измученный,
Послѣ тяжкихъ невзгодъ и тревогъ,
Горькимъ опытомъ жить ненаученный,
Неиспорченнымъ сердце сберегъ,—

Ты отраду даешь сердцу несчастного,
Ты утѣшишь страдальца, поэта;
Въ душу, полную горя злосчастного,
Ты прольешь утѣшительный свѣтъ.

Какъ отъ зимняго сна пробуждается
Свѣтомъ вешняго солнца земля
И въ роскошный уборъ одѣваются
Наши рощи, луга и поля,—

Такъ и ты, словно солнце весеннее,
Жизнь иную для сердца даешь,
Проливаешь въ него утѣшеніе
И надежду ему подаешь.

Очаровано пѣснею нѣжною,
Сердце бѣться свободно, легко...
Успокоится горе мятежное
И невзгоды, и грусть далеко...

К. М—скій.

ЛОСЛЪ ПОБѢДЫ, ВЪ АЛЬГАМБРѢ.

(Рис. на стр. 804 и 805).

Картина Бенжамена-Констана—одно изъ тѣхъ блестящихъ и эффектныхъ произведений новѣйшей французской школы, которая поражаетъ зрителей какъ широтою замысла, такъ и по истинѣ мастерскимъ выполнениемъ. По костюмамъ фигуръ, по типу ихъ лицъ, по всей обстановкѣ, изображенной на картинѣ, легко можно подумать сначала, что сцена происходитъ на дальнемъ востокѣ, но нѣтъ—художникъ переносить насъ въ средневѣковую Испанію, въ знаменитую Альгамбуру, въ ту эпоху, когда послѣдняя еще была подъ владычествомъ мавровъ. Суровые и вмѣстѣ съ тѣмъ изнѣженные и чувственные поклонники Корана только что одержали побѣду надъ христіанами; вотъ и ихъ величавый и красивый повелитель, въ эффектномъ бѣломъ нарядѣ, съ спокойнымъ, равнодушнымъ видомъ осматриваетъ военную добычу, отнятую у непріятеля: драгоценности и утварь, похищенная изъ храмовъ, и тутъ же рядомъ съ ними прелестныхъ женщинъ, насильственно взятыхъ въ пленъ арабами и преподнесенныхъ ими въ даръ своему повелителю. Для этихъ несчастныхъ жертвъ ничего не осталось для выбора кроме смерти или позора, и одно слово, одинъ жестъ гордаго и безжалостнаго побѣдителя можетъ сохранить имъ жизнь для вѣчнаго рабства, или предать ихъ казни. Уже пала чѣдѣть приказаний своего владыки и держитъ на готовѣ свою кривую саблю. Кругомъ молчаливая, подобострастная толпа придворныхъ; это военачальники, муллы, поэты, евнухи—постоянные участники подобныхъ церемоній и для которыхъ это—обычное зрѣлище; по ихъ убѣждѣнію, оно вполнѣ законно и справедливо, такъ

II.

Шопотъ цвѣтовъ.

(Изъ Трегера).

„Былъ теплый вечеръ раннею весной
Тогда еще мы только разцвѣтали,
Какъ прилетѣлъ къ намъ вѣтеръ молодой
Изъ за полей прозрачной, синей дали,

И сталъ онъ къ намъ ласкаться и шептать
Такія восхитительныя сказки,
И сталъ онъ насъ такъ нѣжно цѣловать,
Моля любви, сочувствія и ласки...

И мы ему повѣрили... Съ тѣхъ поръ,
Едва погаснетъ яркая денница,
И мѣсяцъ встанетъ изъ за синихъ горъ,
Ужъ онъ летить, летить къ намъ, словно птица...

Но только-лишь на мигъ насъ постыть
И пробудивъ покой нашъ безмятежный,
Къ другимъ, къ другимъ цвѣтамъ онъ улетить
Съ рѣчами искушенья, съ лаской нѣжной...

И плачемъ мы средь этой пустоты,
Но онъ не слышитъ, тщетны наши слезы...
Зачѣмъ, зачѣмъ тогда не знала ты
О чёмъ тебѣ шептали эти розы?!

С. Ф.

какъ невѣрные во всякомъ случаѣ должны погибнуть во славу Аллаха и его пророка. Мѣсто дѣйствія—роскошная, ярко и узорчато изукрашенная зала Альгамбы—той Альгамбы, которая до сихъ поръ служитъ однимъ изъ чудесъ мавританскаго зодчества. Художникъ превосходно изобразилъ эту перспективу обширныхъ дворовъ и арокъ, покрытыхъ надписями и арабесками, эту роскошь чисто восточной фантазіи, которая проявляется въ каждомъ, даже самомъ мелочномъ, украшении Альгамбы.

Но что же за люди были эти мавры, столь воинственные, суровые и вмѣстѣ съ тѣмъ столь замѣтительные художники и поэты?

Мавры—одно изъ арабскихъ племенъ, родина которыхъ была Африка, сначала зависѣла отъ восточнаго дамасскаго калифата, но въ половинѣ VIII в. Абдерахманъ, послѣдний изъ рода Омміадовъ, основалъ въ Испаніи независимый калифатъ, названный по главному городу Кордовѣ—кордуанскімъ. По испанскимъ народнымъ преданіямъ, народеніе арабовъ на Испанію связано съ глубоко драматическими событиемъ. Они рассказываютъ, что готтскій король Родригъ влюбился въ Каву, дочь графа Юліана, владѣтеля Парижа, и овладѣвъ ею, разлюбилъ и бросилъ. Тогда то Юліанъ, не зная какъ отомстить Родригу, придумалъ страшное средство; онъ призвалъ съ африканскаго берега арабовъ и указалъ имъ на свое отечество, какъ на легкую добычу. И дѣйствительно, арабы быстро овладѣли Испаніей и, какъ племя,

стоявшее по образованности гораздо выше готовъ, довели ее до высшей степени процвѣтанія. Такъ при Абдерахманѣ III Великомъ и его преемникѣ Гакемѣ, въ то время какъ остальная Европа была погружена еще въ глубокое невѣжество, въ Испаніи, благодаря арабамъ, существовали уже науки и искусства, развивалась въ городахъ жизнь самая роскошная и утонченная и народонаселеніе возросло до 30 миллионовъ. Абдерахманъ III былъ страстный любитель художествъ, особенно зодчества; онъ строилъ великолѣпные дворцы и мечети, воздвигъ мосты и водопроводы, и его блестящій дворъ состоялъ изъ храбрѣйшихъ рыцарей, поэтовъ и ученыхъ. Сынъ же Абдерахмана, Гакемъ II, прославилъ свое имя любовью къ наукамъ; онъ основалъ въ Кордовѣ высшее училище и громадную библіотеку. Отъ мавровъ переняли испанцы и рыцарство, и поэзію романсовъ, перешедшую потомъ къ провансальскимъ труверамъ; но эта образованность, рыцарскій блескъ и утонченная вѣжливость, существовавшія у андалузскихъ мавровъ въ средніе вѣка, составляли странную противуположность съ ихъ кровожадною жестокостью, особенно во время войнъ. Вообще характеръ испанскихъ мавровъ представлялъ удивительное соединеніе жестокости и нѣжности, свирѣпости и рыцарства, цивилизациіи и варварства. Эти же самые мавры, которые въ битвахъ немилосердно разили побѣженныхъ, украшая ихъ головами зубцы своихъ городскихъ стѣнъ, были въ то же время самыми изысканными, самыми нѣжными обожателями женщинъ и самыми идеальными поэтами. Поэты пользовались при мавританскихъ дворахъ вообще большимъ почетомъ; они воспѣвали побѣды, и каждое самое незначительное событие въ жизни ихъ владыки вызывало пѣлый рядъ самыхъ изысканныхъ, самыхъ одушевленныхъ поэтическихъ произведеній. Послѣ поэзіи особенно уважалось зодчество, такъ какъ другія искусства не могли процвѣтать у арабовъ, какъ запрещенные кораномъ. Памятники испанского зодчества до сихъ поръ сохранились въ Испаніи и среди нихъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ Альгамбра, цитадель Гренады. Эти чудныя, подковообразныя арки соединяютъ собою цѣлую амфиладу залъ, эти фонтаны, этотъ знаменитый дворъ львовъ, до сихъ поръ еще производить обаятельное впечатлѣніе, и теперь, когда Альгамбра полуразрушена, еще понятно значеніе арабской надписи, сохранившейся на чащѣ главаго фонтана: „Да будетъ благословенъ давшій повелителю Магомеду жилище это, по красотѣ своей—украшеніе всѣмъ жилищамъ человѣческимъ. Если же ты сомнѣваешься, то взгляни на все тебя окружающее; ты увидишь такія чудеса, что Богъ недозволилъ, чтобы существовали равныя имъ даже въ храмахъ“.

Но несмотря на весь блескъ и величие мавританского господства въ Испаніи, оно все таки не было продолжительно. Въ началѣ XI вѣка Кордуанскій калифъ сталъ упадать; его намѣстники сдѣлались независимы и назывались тоже калифами;

Къ рисункамъ.

Русский воин XIV века.

(Рис. на стр. 809).

Помѣщаемая нами картина В. П. Верещагина „Русскій воинъ XIV вѣка послѣ битвы“—одно изъ позднѣйшихъ произведеній нашего художника, написанное имъ въ 1882 году и красавшееся на Московской промышленно-художественной выставкѣ. Въ этой картинѣ пр. В. П. Верещагинъ, съ свойственнымъ ему талантомъ, очень живо и эффектно изобразилъ типъ нашего стариннаго воина, въ латахъ и доспѣхахъ, отдыхающаго, облокотясь на своего боеваго коня послѣ жаркаго дѣла. Всѣ подробности вооруженія русскаго воина XIV в. написаны превосходно и исторически точно; вы дѣйствительно видите передъ собой суровый типъ дружинника, котораго отрываютъ отъ роднаго крова и заставляютъ браться за оружіе то татары, то ляхи, то шведы, то литовцы. А тутъ еще безпрерывные, удѣльные раздоры русскихъ князей и безсильная борьба ихъ противъ возникающей власти и могущества Московскаго княжества. Каждый удѣльный князь имѣлъ тогда свое войско, но въ XIV вѣкѣ великий князь Московскій обладалъ уже ратью, превосходною числомъ и устройствомъ, и тягаться съ нимъ въ этомъ отношеніи становилось уже не легко. Но здѣсь главную военную силу составляло многочисленное, осѣдлое, землевладѣльческое сословіе дворянъ, боярскихъ дѣтей и горожанъ, обязанныхъ въ военное время вооружаться каждый по своимъ средствамъ, по призыву князей. Сельскіе жители обыкновенно не были призываются къ оружію и только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ при нашествіи монголовъ, производилось поголовное вооруженіе народа.

Ознакомимъ теперь читателя съ вооруженiemъ русскаго воина-дружиинника XIV вѣка. Это вооруженіе было тяжелое, лучше и богаче въ конницѣ, нежели въ пѣхотѣ, гдѣ необходимою принадлежностью оборонительного вооруженія являлась броня или доспѣхъ. Желѣзные шишаки были большею частью остроконечные, съ носомъ, т. е. съ желѣзною полосою, идущею сверху внизъ противъ носа и средины лица; кромѣ того на лицо, шею и плечи воина опускалась кольчужная сѣтка. Затѣмъ изъ та-

междоусобія ослабили силы аравитянъ. Наконецъ мавры, болѣе и болѣе тѣснимые христіанами, были уничтожены въ знаменитой битвѣ при Толозѣ и на берегахъ рѣки Соладо (1340). Только въ Гренадѣ мусульманское господство продолжалось слишкомъ сто лѣтъ и Гренада сдалась испанцамъ лишь въ 1492 г. Паденіе Гренады, горестно оплаканное арабскими поэтами — нанесло окончательный ударъ маврамъ. Съ этого времени опи въ свою очередь изъ гонителей дѣлаются гонимыми; имъ предписывалось забыть свой родной языкъ и одѣваться по испански; женщины же ихъ должны были ходить съ открытыми лицами; кромѣ того арабамъ было запрещено употребленіе бань, музыки, пѣнья и всѣ обычныя забавы. Но и въполномъ унижениіи, въ тискахъ инквизиціи, мавры все таки казались еще опасными. Въ 1602 году епископъ Валенсіи Хуанъ де-Рибера представилъ Филиппу III записку о необходимости изгнать мавровъ. Онъ совѣтовалъ оставить въ Испаніи лишь юношей, разославъ ихъ по каторжнымъ работамъ, и младенцевъ, чтобы воспитывать ихъ въ строгой католической религіи. Главный министръ Филиппа III, герцогъ Лерма, одобрилъ планъ Рибера, и въ 1609 году явилось королевское повелѣніе объ изгнаніи мавровъ. Выполненіе этого указа было самое варварское. Маврамъ предписывалось въ теченіе трехъ дней приготовиться къ отплытію къ берегамъ Африки на назначенныхъ для того судахъ. При этой переправѣ, многіе капитаны просто топили поголовно порученные имъ семейства мавровъ; кромѣ того множество судовъ съ маврами было занесено бурею на береговыя отмели и тамъ разбито, и вообще число потонувшихъ мавровъ было такъ велико, что долгое время жители Прованса называли сардинки гранадинами, т. е. маврами, и не ъли ихъ, полагая, что онѣ питаются нечистымъ мясомъ арабовъ. Участь мавровъ, достигшихъ береговъ Африки, была не лучше; среди негостепріимной пустыни большая часть ихъ погибла отъ голода и другихъ лишений.

Сообщимъ пѣкоторыя свѣдѣнія о художникѣ, авторѣ картины. Бенжаменъ Констанъ родился въ Парижѣ въ 1845 г. и учился живописи подъ руководствомъ Кабанеля. Въ 1876 г. онъ выставилъ замѣчательную картину „Вѣздръ Магомеда II въ Константинополь 29-го мая 1453 года“ и портретъ Эмануэля Араго; въ 1875 г. „Плѣнники въ Марокко“, „Затворницу гарема“. Но уже раньше извѣстность его была обеспечена многими прекрасными произведеніями и его „Гамлетъ“ былъ даже купленъ на счетъ правительства. Но несмотря на успѣхъ, молодой художникъ не ослѣплялся имъ; онъ не захотѣлъ состояться на пенсіонерство въ Италію и вмѣсто классического Рима отправился на востокъ, который и вдохновилъ его многими превосходными сюжетами. Подъ впечатлѣніемъ востока были написаны: „Плѣнники въ Марокко“ и „Гаремъ“, а также и „Послѣ побѣды, въ Альгамбрѣ“, картину, достоинства которой могутъ отчасти оцѣнить наши читатели по прилагаемой нами прекрасной гравюрѣ.

кой же кольчуги дѣлалась рубаха съ рукавами, доходившая до колѣнъ и опоясанная прямымъ и короткимъ мечемъ. Но кромъ мечей, въ войскѣ дрались самыи разнообразныи оружіемъ: кривыми монгольскими саблями, ножами, кинжалами, дротиками, топорами, бердышами, кистенями и даже дубинами (ослопами). Метательнымъ оружіемъ нашего воина до конца XIV в. оставались луки, стрѣлы и самострѣлы. При такомъ вооруженіи побѣда конечно решалась большею частью рукопашнымъ боемъ, причемъ въ послѣднемъ имѣло громадное значеніе превосходство числительной и тѣлесной силы и кромъ того личныхъ качества воиновъ—ихъ мужество, храбрость и ловкость владѣть оружіемъ. Но вотъ въ концѣ XIV в., а именно въ 1389 году, въ восточную Русь привезли, по словамъ лѣтописцевъ, „изъ нѣмецкой земли арматы и стрѣльбу огненную и отъ того часу уразумѣли изъ нихъ стрѣляти“. И эти арматы, и эта огненная стрѣльба совершили быстрый переворотъ въ вооруженіи нашего войска, и вскорѣ исчезъ безслѣдно, вмѣстѣ съ XIV вѣкомъ, нашъ воинъ-дружиинникъ, одѣтый въ желѣзныя латы и кольчугу, т. е. въ тотъ ратный нарядъ, въ которомъ онъ изображенъ на картинѣ пр. Верещагина.

На Саймскомъ озерт.

(Рис. на стр. 812 и 813).

Беззаботность, съ которой у насъ, въ Россіи, относятся къ живописнымъ роднымъ уголкамъ, поистинѣ изумительна. У насъ что ни лѣто—отправляются за границу цѣлые караваны праздношатающихся туристовъ, чтобы изумляться желтыми водами Роны, лазурью Неаполя, снѣгами Монблана и скалами Капуи. Рѣдкій путешественникъ догадается заглянуть въ истинно-художественные уголки Пириней, или поохотиться на сѣверѣ Шотландіи. Далѣе парижскихъ бульваровъ и венеціанскихъ лагунъ они рѣдко проникаютъ. Что же касается отечественныхъ окраинъ, то туда заглядываютъ только при полной невозможности ѿхать за границу. Крымъ и Кавказъ—два неизбѣжныхъ пункта, куда ѿздятъ, впрочемъ, съ ^{устав.} ~~патрію~~ ^{патрію} охотой. И наконецъ третій пунктъ—Волга ^{къ} ~~къ~~ исто изъ патрі-

отизма. Но есть у насъ подъ бокомъ одна изъ красивѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ мѣстностей въ мірѣ,—это Финляндія. Отъ Петербурга до Выборга 111 верстъ—всего три часаѣ. Вы садитесь на пароходъ—и онъ несетъ васъ по Саймскому каналу и Саймскому озеру. Вы сразу охватываетесь первобытной дѣственной природой. Узкіе каналы, среди поросшихъ цѣѣтами долинъ; громоздящіяся надъ вами скалы, охватъ среброводныхъ озеръ, поросшихъ островками; высокіе шлюзы; вѣковыя ели; наконецъ шумная, клокочущая Иматра, —одинъ изъ грандіознѣйшихъ водопадовъ міра,—все это такъ могуче, оригинально и сильно, что англичане толпами сѣѣжаются сюда лѣтомъ. Трудно себѣ представить то поразительное равнодушіе, съ какимъ относятся къ этому дивному уголку русскіе. Только въ самое послѣднее время стали кое-гдѣ появляться русскія мызы, а дачники селятся по берегамъ живописныхъ озеръ. Близость столицы, превосходныя дороги, здоровый климатъ, —вѣроятно сдѣлаютъ когда нибудь Финляндію одной изъ наиболѣе любимыхъ и населенныхъ нашихъ окраинъ.

Бой двухъ гориллъ.

(Рис. на стр. 817).

„Бой гориллъ между собою, говорить извѣстный путешественникъ де Шаллью, вѣроятно представлеть страшное и величественное зрѣлище, и нѣть сомнѣнія, что борьба двухъ сильныхъ самцевъ была бы интереснѣе всѣхъ прочихъ звѣриныхъ побоищъ, какія когда либо давались въ циркахъ всего міра“. И въ этомъ отношеніи де Шаллью совершенно правъ; бой такихъ ужасныхъ, свирѣпыхъ чудовищъ между собою, бой на смерть, безъ всякой пощады другъ другу дѣйствительно былъ бы однимъ изъ самыхъ любимыхъ зрѣлищъ грубой и кровожадной толпы, если бы только можно было доставить ей такое удовольствие. Но даже и древній Римъ, столь жадный до подобныхъ зрѣлищъ, не могъ вывести гориллу на арену цирка, по той очень простой причинѣ, что это ужасное животное, изолированное въ африканскихъ лѣсахъ, оставалось неизвѣстнымъ Европѣ почти до половины настоящаго столѣтія, и только въ послѣднее время свѣдѣнія о гориллѣ дѣлаются менѣе фантастичными и болѣе правдоподобными. Кромѣ того добить гориллу живою чрезвычайно трудно, и только по рассказамъ негровъ западнаго берега Африки можно составить какое либо представление обѣя привычкахъ и образѣ жизни.

Горилла принадлежитъ къ породѣ обезьянъ, наиболѣе похожихъ на человѣка; кромѣ того она сильнѣе ихъ всѣхъ и обладаетъ высшей тѣлесной организацией. Ростъ ея достигаетъ до $5\frac{1}{2}$ фут., ширина въ плечахъ до 3-хъ футовъ; тѣло необыкновенно сильно и крѣпко. Плечи толщиною въ человѣческое бедро; черепъ твердъ и обширенъ. Голое темно-коричневое или черное лицо широко и велико; кромѣ того животное характер-

изуется страшными челюстями и громадными руками съ необыкновенно большими пальцами. Внѣшность гориллы, такимъ образомъ, уже сама по себѣ, можетъ наводить ужасъ; прибавьте къ этому, что все тѣло этой громадной обезьяны, кроме лица, части груди и ладоней, покрыто длинными, черными волосами, а на головѣ возвышается высокій гребень, волосъ котораго можетъ подниматься дыбомъ, впередъ и назадъ, и вы поймете, какъ пріятно встрѣтиться съ подобнымъ чудовищемъ

въ Африканскомъ лѣсу, гдѣ чаща колючихъ растеній представляетъ неожиданное препятствіе для человѣка къ бѣгству, или быстрому отступленію. И горилла знаетъ свою силу; она никого не боится и нападаетъ на всякое животное, дѣйствуя въ борьбѣ своими страшными руками и зубами, и даже громадному слону иногда бываетъ не подъ силу устоять противъ такого свирѣпаго противника. Человѣка горилла можетъ умертвить однимъ ударомъ, и дикии считаются не безъ основанія величайшимъ героями того, кто въ такой борьбѣ остается побѣдителемъ. Де Шаллью, встрѣтившій разъ разъяренную гориллу, разсказываетъ обѣя какъ обѣя какомъ то сказочномъ чудовищѣ. По его словамъ, ея сверкающіе сѣрые глаза и дьявольское выраженіе лица, были страшны необычайно; она била себя въ грудь широкими кулаками, и эти удары раздавались какъ звуки большаго металлическаго барабана. Кроме того она страшно ревѣла, и этотъ ревъ походилъ на отдаленные раскаты грома. Согласитесь, что, судя по та-

кому описанію, видѣть это чудовище въ моментъ ярости, въ натурѣ, не особенно удобно, и гораздо лучше ознакомиться съ нимъ по талантливому рисунку Шпехта, умѣющему всегда въ своихъ произведеніяхъ блестательно соединить богатство фантазіи съ научной правдой.

Типы. Рыночная торговка.

(Рис. на этой стр.).

Прекрасный рисунокъ нашего извѣстнаго рисовальщика И. Панова, очень мягко схватываетъ этотъ всѣмъ извѣстнѣй и весьма распространенный типъ. Какъ татары знакомы всѣмъ съ своими криками „халаты, халаты“, такъ и эти бойкія перекупщицы, посѣтительницы квартиръ съ черныхъ лѣстницъ, преимущественно еврейки, знакомы столичному населенію. Обѣшанная и обмотанная предметами своего промысла, ходить она вездѣ, гдѣ бойкій рыночный спросъ, или гдѣ стѣсняются идти продавать какія нибудь старыя вещи, стыдясь, что съ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ встрѣтятся; гдѣ желаютъ спустить вещи негласно. Тутъ то и является съ своими бойкими прибаутками, „разсыпая разговоръ“ такая торговка. Да и должна она быть бойкой и разговорчивой, умѣющей убѣдить продать за ничто и купить подороже, должна быть такою она,—этотъ ходячій магазинъ „модныхъ“ вещей и туалетныхъ принадлежностей.

Рѣчь И. С. Тургеневъ.

(Отъ издателя).

Въ виду заявленного нами намѣренія въ этомъ году напечатать въ „Нивѣ“ разсказъ нашего знаменитаго романиста И. С. Тургенева и непоявленія его до сихъ поръ, мы считаемъ обходимымъ объяснить нашимъ читателямъ вѣда, которому роковымъ

образомъ внезапно помѣшала (будемъ надѣяться—временно) тяжкая болѣзнь маститаго писателя.

Въ августѣ 1882 г. издатель „Нивы“ обратился къ И. С. Тургеневу (тогда уже заболѣвшему, но, казалось, легко), съ предложеніемъ написать для его журнала

Съ толкучаго рынка. „Mode et robes“. Ориг. рис. И. Панова, грав. Ю. Барановскій.

повѣсть или разсказъ. На предложеніе это, равно какъ и на предъявленныя условія, было изъявлено полное согласіе. Между тѣмъ въ сентябрѣ того года болѣзнь И. С. усилилась и отъ него получено было нами 6-го октября (24-го сентября) 1882 г. слѣдующее письмо:

Сена и Оаза
Буживаль
Френъ.
6-го октября
24-го сентября 1882 г.

M. G.

Болѣзнь помѣшала мнѣ написать обѣщанную вамъ повѣсть. Такъ какъ здоровье мое до сихъ поръ мало улучшилось, то пока я не могу сказать *ничего определенного*. Надѣюсь, что мнѣ удастся доставить вамъ повѣсть въ теченіи будущаго года; быть можетъ—въ январѣ или февралѣ; но не знаю, на сколько могу уполномочить васъ обязаться передъ читателями. Что касается вашей программы (объявленія о „Нивѣ“ 1883 г.), то вы можете употребить слѣдующія слова: „Г-нъ Тургеневъ обѣщалъ намъ повѣсть, которую онъ надѣется доставить въ редакцію въ теченіи зимы“. Сказать что либо болѣе, или объявить название повѣсти, было бы, по моему мнѣнію, рискованно.

Вѣрьте въ мое искреннее желаніе исполнить обѣщанное и примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи. Ив. Тургеневъ.

Въ смыслѣ, дозволенномъ И. С. въ его письмѣ, нами
и было заявлено вездѣ объ этомъ обѣщаніи, причемъ
въ нашемъ заявлениі указывалось на письмо изъ Бу-
живала съ упомянутымъ дозволеніемъ. Между тѣмъ ро-
ковая болѣзнь усиливалась, и издатель „Нивы“, отпра-
вившійся за границу по дѣламъ, нарочно поѣхалъ
въ Парижъ, чтобы лично имѣть случай видѣть Ивана
Сергеевича и отъ него самого узнать окончательно о по-
ложеніи его здоровья и его намѣреніяхъ. Свиданіе со-
стоялось 5-го іюля въ Буживалѣ, въ виллѣ г-жи Viардо.

Буживаль прекрасно расположень на берегу рѣки. Пріѣхавъ изъ Парижа по желѣзной дорогѣ до станціи Рюэль (Rueil), надоѣхать въ локомотивѣ-дилижансѣ чрезъ Рюэль и потомъ почти чрезъ весь Буживаль. Прекрасная дорога, мелькаютъ дача за дачей съ красивыми садами. Именно передъ виллой Лефренъ, принадлежащей г-жѣ Віардо, дилижансъ пріостанавливается. Лефренъ—одна изъ самыхъ красивыхъ дачъ Буживаля. На улицу выходятъ изящныя, большія желѣзныя ворота; послѣ входа, въ саду, сейчасъ направо, домъ садовника. Садъ расположенъ на возвышенномъ холмѣ, который круто поднимается болѣе чѣмъ на 300 футовъ. Садъ очень красивъ, налево и направо густыя аллеи старыхъ деревъ, цветники, лужайки, статуи и фонтаны. Почти на самой вершинѣ холма дача г-жи Віардо—красивый двухъэтажный домъ. Чрезъ билліардную и еще двѣ комнаты переходятъ въ другую половину парка и сада, еще выше расположеннаго, и тамъ, шаговъ на 30 отъ первого дома, небольшой, тоже каменный, домикъ, въ швейцарскомъ стилѣ,—и тамъ-то во второмъ этажѣ находился Иванъ Сергеевичъ.

И. С. лежалъ на постели, одѣтый въ лѣтній ко-
стюмъ, но ноги его были покрыты одѣяломъ, не смо-
тря на жаркое время. Мы поздоровались и первымъ
его вопросомъ было: прѣхалъ ли я въ Парижъ для
того только, чтобы съ нимъ переговорить? Конечно, я под-
твердилъ.—Мнѣ досадно, сказалъ И. С., что вы прѣхали
по напрасну.—И. С. казался очень болѣйшимъ, взволнован-
нымъ и разстроеннымъ, говорилъ очень тихо. Я долженъ
былъ внимательно вслушиваться, чтобы понимать его. Въ
комнатѣ—балконъ, двери и окна открыты настежь, на
дворѣ душно и страшно жарко. Я передалъ поклоны отъ
Д. В. Григоровича и Я. П. Полонскаго. Когда я спросилъ у
него, нѣть-ли между его старыми рукописями чего-либо
еще не напечатанного, напримѣръ, стиховъ въ прозѣ или
чего нибудь подобнаго, начатой повѣсти, онъ отвѣтилъ:
Стихи въ прозѣ, которые еще есть у него, писаны всѣ
къ разнымъ лицамъ или о разныхъ личностяхъ, и те-
перь онъ ихъ ни въ какомъ случаѣ не рѣшится публи-
ковать и долгіе, долгіе годы нельзѧ вовсе обѣ этомъ и
думать,—лучше онъ позволить себѣ живому отрубить
руку, чѣмъ допустить опубликованіе этихъ вещей тѣ-

перь же. У него положительно нѣть ничего готоваго и ничего начатаго, за исключениемъ двухъ маленькихъ начатыхъ повѣстей, которыя онъ уже давнымъ давно продалъ Глазунову для его большаго изданія, но которыхъ до сихъ поръ еще не окончилъ.

Бѣдный И. С. съ убѣжденiemъ говорилъ, что теперь онъ уже развалина. Уже полгода какъ онъ питается только молокомъ. Все остальное причиняетъ ему тошноту. Спать онъ можетъ только при помощи морфія. Онъ такъ слабъ, что его должны снимать съ кровати и сажать на кресло, чтобы покатать. Теперь ему лучше и онъ благодарить Бога, что пережилъ май и юнь, а то онъ думалъ, что сойдетъ съ ума отъ невыносимыхъ болей. „Вообще же обо мнѣ,—говорилъ И. С.,—распространяютъ въ печати много вымысленаго, и я очень этимъ недоволенъ. При этомъ онъ упомянулъ о ложномъ извѣстіи, помѣщенному во всѣхъ газетахъ, будто бы президентъ Греви ежедневно справляется объ его здоровьи черезъ своего адъютанта. Тутъ нѣть ни одного слова правды, и вѣроятно Греви и не знаетъ, что существуетъ писатель Тургеневъ; у Греви нѣть никакой причины заботиться обо мнѣ“.

Когда я наконецъ упомянулъ, не позволить ли онъ напечатать въ „Нивѣ“ нѣкоторыя изъ его писемъ, чтобы дать что либо читателямъ, раздраженіе его усилилось и онъ сказалъ: „Но Боже! ваши читатели не какіе-нибудь тигры и львы! Наконецъ приходится покориться этому *état de force majeure*. Я—измученный старикъ, который ждетъ смерти какъ избавленія отъ вѣчныхъ страданій и который не надѣется на выздоровленіе. Я вовсе не такой великій, какимъ меня дѣлаютъ. Я человѣкъ самый обыкновенный, пробовавшій писать, но никогда, никогда не могу себя сравнивать съ Шиллеромъ, напримѣръ, или Гете, или даже ставить себя на ряду съ такими героями мысли, переписка которыхъ каждому дорога и письма которыхъ и нынѣ читаются каждымъ съ удовольствіемъ. Я, напротивъ, сказалъ онъ, насколько могъ, старался жечь свои письма, чтобы не остались послѣ меня вещи, которыя я считаю недостойными вниманія“.

Болѣе ничего нельзя было сдѣлать. Онъ былъ такъ разстроенъ, какъ только можетъ быть тяжело больной, и такъ слабъ, что я поторопился окончить разговоръ. Онъ не скрылъ отъ меня, что долгій разговоръ всегда волнуетъ его. Я простился. При разставаніи онъ сказалъ, что его ужасно тянетъ домой и если его состояніе хотя немногого улучшится, то онъ тотчасъ вернется въ Россію, но онъ не вѣрить, чтобы это счастіе было суждено ему.

Послѣ этого свиданія я получилъ, по моей просьбѣ, съ цѣлью опубликованія въ „Нивѣ“, еще слѣдующее письмо Ив. Серг. Тургенева:

M. Г.

Болѣзнь, приковавшая меня долгіе мѣсяцы къ постели, по-
мѣшила мнѣ написать повѣсть для вашего журнала.

Я уже сказалъ во время вашего посѣщенія, и повторяю еще, что какъ только здоровье позволить мнѣ, я постараюсь исполнить обѣщаніе, данное вамъ и вашимъ читателямъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи.

22-го іюля 1883 г.

Буживаль

Френъ

Ntaw Myone

Письмо это диктовано Ив. Сергеевичемъ, но подписано имъ собственоручно.

Политическое обозрение.

Князь Черногорский в Константинополь.—Румыния и Германия.—Пруссия и Курляндия.—Англия и Франция.—Сетивайо.

Свидание князя Черногорского с султаном Абд-Уль-Гамидом состоялось; по прибытии в Константинополь, князь прямо проехал в Ильдиз-Кюскъ, где был принят у входа мистром иностранных дѣлъ, а потом, в тронной залѣ, султаном; приемъ былъ очень радушный, причемъ султан вручилъ князю Николаю осипанный брильянтами орденъ Османія первого класса; затѣмъ, удалившись въ Фламуръ-Кюскъ, онъ принялъ тамъ визитъ своего державного хозяина, послѣ чего и отправился во дворецъ на Сладкихъ Водахъ, назначенный для него, на время его пребыванія въ Стамбулѣ.

Крѣпостные сооруженія Румыніи, какъ известно, надѣлали большаго шума; въ дополненіе ко всему, что мы по этому поводу уже сообщали, скажемъ, что эти сооруженія предположены въ столь обширныхъ размѣрахъ, что, помимо ассигнованныхъ 15 миллионовъ франковъ, потребуется еще столько же; работы, которые будутъ, вѣроятно, продолжаться не менѣе десяти лѣтъ, начнутся съ Бухареста, превращаемаго въ сборный для войскъ пунктъ, окруженный валами и фортаами на протяженіи шести верстъ кругомъ; всѣ открытые пункты Карпатскихъ горъ, будутъ, въ свою очередь, защищены фортификаціонными сооруженіями, которая отъ границы будутъ проложены внутрь страны, на протяженіи пятнадцати верстъ; съ помощью такой системы Румынія, при сравнительно незначительной арміи, получить возможностьказать усиленное сопротивленіе даже вчетверо сильнѣйшей арміи. Король Карлъ удостоился чести быть воспреемникомъ новорожденаго германскаго принца. Обстоятельству этому придаютъ политическое значеніе, считая его признакомъ вступленія Румыніи въ союзъ, обогатившійся, такимъ образомъ, нынѣ двумя новыми членами.

Успѣшность хода переговоровъ Пруссіи съ куріей оправдывается: соглашенія еще не послѣдовало и недавно нѣмецкіе епископы имѣли конференцію, на которой условились между собой о томъ, какъ имъ поступать въ виду утвержденія парламентомъ политico-церковнаго закона; слышно, будто бы они, согласившись не признавать нового закона, содержащаго слишкомъ мало уступокъ куріи, въ то же время воспользовались предоставленіемъ имъ этимъ закономъ правомъ замѣщать вакансіи, и въ одной познанской епархіи замѣстили сорокъ три вакансіи. Согласно, однако, новѣйшимъ свѣдѣніямъ, религіозный вопросъ вновь выступаетъ на сцену. Въ Киссингенѣ прибылъ кардиналъ Говардъ съ порученіемъ отъ папы возобновить переговоры съ княземъ Бисмаркомъ, причемъ кардиналу, будто бы, даны самыя широкія и примирительныя инструкціи; въ Киссингенѣ ожидаютъ прибытия и прусскаго министра ду-

ховныхъ дѣлъ Госслера; но нѣсколько раньше еще распространялся слухъ, что Бисмаркъ не принялъ кардинала Говарда, когда тотъ явился къ нему.

Мы сообщали о недоразумѣніи, произошедшемъ между Англией и Франціей по поводу притѣсненій, которымъ французскій адмиралъ Пьеръ подвергъ англичанъ, жительствующихъ въ Таматавѣ; сообщали также и о томъ, что правительства обоихъ государствъ обмѣнялись уже объясненіями, а затѣмъ и дружескими увѣреніями; однако—въ настоящее время, "Таматавскій вопросъ" вновь вспыхиваетъ наружу и вновь подается поводъ къ "объясненіямъ"; оказывается, что позднѣйшія свѣдѣнія съ Мадагаскара не только не умаляютъ важности таматавскихъ событий, но и вдобавокъ доказываютъ, что первоначальная тревожная свѣдѣнія не были преувеличены и что поведеніе французскаго адмирала было настолько предосудительно, что англійское правительство ожидаетъ новыхъ объясненій изъ Парижа и спрашивало уже мнѣнія коронныхъ юристовъ касательно нѣкоторыхъ пунктовъ таматавскаго дѣла. Франція не желаетъ ссориться съ Испаніей, и потому отдано приказаніе какъ можно пристальнѣе слѣдить за пиренейской границей и отправлять бѣглецовъ не въ пограничные, а въ болѣе удаленные и, притомъ, крѣпостные города; этимъ распоряженіемъ французское правительство формально опровергаетъ слухъ, будто французскіе республиканцы тайно поддерживали Рюэза Горолью и всю его партію. Бадахосская вспышка—какъ это подтверждается нынѣ—была отдѣльнымъ проявленіемъ цѣлаго военнаго заговора, не поддержанаго, къ счастію, гражданскимъ населеніемъ. Король Альфонсъ рѣшилъ объѣхать нѣкоторые пункты; въ Валенсіи онъ принималъ многочисленныя депутаціи, заявившіе о своей преданности. Всѣ державы немедленно же выразили мадридскому двору свое сочувствіе. По-видимому, движеніе прекратилось и все пришло въ порядокъ, хотя, несомнѣнно, испанскому правительству не мало надо будетъ труда, чтобы открыть все и окончательно справиться съ анархіей.

О Сетивайо сообщаютъ дальнѣйшія подробности: находящійся въ Портъ-Наталѣ бывшій зулусскій вождь Дабуламанци, положительно заявилъ, что Сетивайо живъ, и свое заявленіе основываетъ на полученныхъ имъ прямыхъ свѣдѣніяхъ изъ лагеря бывшаго короля зулусовъ, нашедшаго себѣ убѣжище—безопасное—на рекѣ Улефалони, въ нѣсколькоихъ миляхъ отъ Малобатони. Сетивайо не думаетъ оставлять своихъ бывшихъ владѣній и ни въ какомъ случаѣ не переѣдетъ въ Наталь. Бывшіе его боевые сподвижники, считавшіеся убитыми, также находятся при немъ и выдвинули противъ Узібену значительныя силы, съ которыми предполагаютъ атаковать Улунди.

СМѢСЬ.

О православно-грузинскихъ учебникахъ. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго, по всеподданѣйшему докладу бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Чигириева, 27-го марта прошлаго года, открыта подписка по имперіи въ память въ Богъ Почившаго Императора Александра II, для сбора добровольныхъ пожертвованій на приобрѣтеніе грузинскихъ учебниковъ по закону Божію и математикѣ, почерпнутыхъ изъ русскихъ образцовыхъ источниковъ, и на продолженіе означенного изданія въ пользу бѣднѣйшихъ грузинскихъ народныхъ школъ, лишенныхъ возможности приобрѣтать учебные пособія на свои средства. Поллертованные деньги вмѣстѣ съ подпискою имѣются быть отправлены въ министерство народнаго просвѣщенія. При этомъ авторъ этихъ учебниковъ просить насъ заявить, что, благодаря общественной благотворительности, до сихъ поръ уже роздано бѣднѣйшимъ воспитанникамъ грузинскихъ народныхъ школъ до 6,000 даровыхъ учебниковъ.

Диванъ Наполеона. Недавно въ Дуврѣ былъ проданъ съ аукціоннаго торга диванъ, который замѣнялъ для Наполеона I кровать на островѣ Св. Елены и который былъ привезенъ въ Англію маюромъ Крокетомъ—стражемъ высокаго плѣнника. Рѣдкость эта перешла теперь къ владельцу кабинета восковыхъ фигуръ въ Лондонѣ, г-жѣ Туссо. Неизвѣстно, однако, за какую цѣну приобрѣтенъ этотъ историческій диванъ.

О вліяніи умственной работы на зубы. Два англійскихъ врача, доктора Литервудъ и Гарланъ, очень часто замѣчали быструю порчу зубовъ у студентовъ много работающихъ, а также, что порча прекращалась съ простоянкой занятій. Тогда они поставили вопросъ, происходить ли эти случаи отъ усиленного поглощенія мозгомъ фосфорной кислоты, предназначеннай для питанія зубовъ, или же это послѣдствія общаго состоянія здоровья, пострадавшаго отъ чрезмѣрныхъ занятій? Нѣкоторыя болѣзненныя проявленія нервной системы, какъ напримѣръ судороги у дѣтей и неправильности движений тѣла, какъ известно, вліяютъ разрушительно на состоіе зубовъ. Извѣстно также, что фосфоръ составляетъ сильное возбудительное средство для умственной дѣятельности. Такимъ образомъ, если обременять мозгъ излишней работой, или если этотъ органъ ослабленъ какою нибѣ болѣзнью, то легко понять, что чрез-

мѣрное потребленіе фосфора мозгомъ происходитъ на счетъ органовъ, развивающихся при помощи этой матеріи, какъ напримѣръ, на счетъ зубовъ и костей. По изслѣдованіямъ доктора Шампіоньера, наблюдавшаго много подобныхъ случаевъ, необходимо строго слѣдить за зубами дѣтей во время ихъ занятій и, сообразуясь съ состояніемъ ихъ, уменьшать или усиливать работу.

Очищающее средство. Малоизвѣстное, прекрасно дезинфицирующее средство, по рецепту умершаго доктора Гольдена, приготовляется слѣдующимъ образомъ: полъ-драхмы сѣрнокислого олова распускаются въ літгрѣ горячей воды, а двѣ драхмы поваренной соли распускаются въ кружкѣ воды. Оба раствора смѣшиваются и оставляются ихъ до тѣхъ поръ, пока не получится осадка. Полученная такимъ образомъ жидкость не имѣеть запаха и представляетъ превосходное воздухочистительное средство. Намоченная въ жидкости и повышенная тряпка мгновенно очищаетъ воздухъ въ самыхъ зловонныхъ мѣстахъ. Жидкость, налитая въ каналы и въ помойные ямы, уничтожаетъ дурной запахъ; точно также ею можно дезинфицировать бѣлье и одежду.

Замѣчательные вагоны. Одни изъ самыхъ замѣчательныхъ вагоновъ, ходящихъ между Парижемъ и Петербургомъ, принадлежатъ одному изъ большихъ петербургскихъ торговыхъ домовъ, пользующемуся ими для быстраго доставленія въ столицу Россіи дорогихъ растительныхъ произведеній Сѣверной Африки, Южной Франціи и Парижа. Вагоны спабжены насосами, накачивающими, смотря по надобности, холодный или теплый воздухъ. Если наступаетъ внезапная перемѣна погоды, именно холода, то находящіеся въ вагонахъ предметы, между которыми часто бываютъ рѣдкіе, дорогіе букеты живыхъ цветовъ, покрываются предохранительными чехлами.

Въ Британскомъ музѣѣ въ Лондонѣ, въ настоящее время находится древняя рукопись, привезенная г. Шапиро, который просить за нее 10 миллионовъ рублей. Рукопись эта содержитъ часть пятой книги Моисея, и письмена ея имѣютъ сходство со знаками извѣстнаго камня Моавитовъ и Силоамской надписью. Такимъ образомъ рукопись эта оказывается на 16 столѣтій старѣйшей отъ всѣхъ извѣстныхъ рукописей стараго завѣта.

РЕБУСЪ. Задача № 45.

Алгебраическая задача № 46

Фамилия одного русского писателя состоит изъ 10 буквъ; если же эти буквы замѣнить числами, соотвѣтствующими мѣстамъ, занимаемымъ этими буквами въ алфавитѣ русской азбуки, то получается слѣдующія соотношенія между ними:

- 1) Второе число есть среднее ариѳметическое третьяго и четвертаго чиселъ.
- 2) Сумма пятаго и шестаго чиселъ равна седьмому числу.
- 3) Сумма седьмаго и послѣдняго чиселъ равна суммѣ четвертаго и предпослѣдняго чиселъ.
- 4) Первое число вдвое менѣе суммы третьяго и восьмаго чиселъ.
- 5) Второе число вдвое болѣе послѣдняго числа.
- 6) Сумма пятаго и девятаго чиселъ равна 25.
- 7) Разность между девятымъ и шестымъ числами равна числу дней недѣли.
- 8) Разность между четвертымъ и шестымъ числами равна числу дней въ двухъ недѣляхъ.
- 9) Сумма восьмаго и девятаго чиселъ равна числу дней въ трехъ недѣляхъ.
- 10) Сумма трехъ первыхъ чиселъ равна числу недѣль въ году.

Узнать фамилию этого писателя.

СОДЕРЖАНИЕ: Н. Ю. Давыдовъ (съ портретомъ).—Старый домъ. (Хроника четырехъ поколѣй). Исторический романъ Всеволода Соловьевъ. Часть вторая. Главы I и II. — Полковникъ изъ Золотоноши. Историческая говѣсть вѣкъ Н. Кирилова. (Продолженіе).—Современное парижское общество. Очеркъ Ш. Вейсенфельса.—Стихотвор.: I. Поэту. Н. М-д-скаго. II. Шопотъ цветовъ. С. Ф.—Послѣ побѣды, въ Альгамбрѣ (съ рис.).—Русский воинъ XIV вѣка (съ рис.).—На Саймскомъ озерѣ (съ 2 рис.).—Бой двухъ гориллъ (съ рис.).—Типы. Рыночная торговка (съ рис.).—Обѣ И. С. Тургеневѣ. (Отъ издателя).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Ребусъ.—Алгебраическая задача.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

ИЗВѢСТИНО,

что бальзамъ „Элеопатъ“ только провизора Кинуненъ употребляется съ большимъ успѣхомъ противъ столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ, а также какъ одобренное и испытанное средство противъ выпаденія волосъ, и способствующее правильному произростанію ихъ корней. „Элеопатъ“ въ послѣднее время пользуется всеобщимъ довѣріемъ лицъ, употреблявшихъ его и удостовѣрившихъся въ благотворномъ вліяніи означенного препарата провизора Кинунена на кожу головы, вслѣдствіе чего и признанъ какъ ничѣмъ незамѣнимое и безподобное средство для укрепленія волосъ и увеличенія ихъ густоты, и какъ предохраняющее волоса отъ преждевременного выпаденія.

,ЭЛЕОПАТЪ“ только провизора Кинунена имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ **БОЛЬШИХЪ АПТЕКАХЪ** и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Жители уѣздныхъ городовъ выискиваютъ Элеопатъ изъ ближайшихъ отъ нихъ губернскихъ городовъ, и вообще изъ всѣхъ тѣхъ городовъ, где только имѣется аптекарскій магазинъ. Въ С.-Петербургѣ „Элеопатъ“ можно получать въ магазинѣ Штолъ и Шмитъ, или у Русскаго Общества торговли аптекарскими товарами, въ провинціи—во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ.

Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 к.

Для иногородныхъ покупателей „Элеопатъ“ высыпается изъ каждой большой аптеки любаго города, но не менѣе 2 флаконовъ за 4 руб.

Для предупрежденія отъ подѣлокъ слѣдуетъ обращать вниманіе, чтобы на каждомъ флаконѣ была означена фирма—подпись

,,Провизоръ Кинуненъ“.

Описаніе и способъ употребленія приложенъ къ каждому флакону.

Покорно прошу точно замѣтить и помнить мою фирму и марку—провизора Кинунена.

Съ 1 Сентября 1883 г. будеть издаваться въ Москвѣ художественно-литературный журналъ

„РОССІЯ“

и будетъ выходить 4 раза въ мѣсяцъ въ форматѣ большихъ иллюстрацій. Каждый № журнала будетъ заключать въ себѣ до 16 страницъ текста и 4 картины въ краскахъ. Программа журнала: беллетристика, романы, повѣсти, разказы, драматическіе произведенія, стихи, театръ, музыка, искусство, наука, художество, внутренніе и вѣщія дѣла и смѣсь. Подписанная цѣна съ 1 Сентября 83 г. по 1 Янв. 84 г. безъ доставки 3 р., съ доставкою въ Москвѣ 3 р. 50 к., съ перес. въ др. города 4 р.—На годъ съ 1 Янв. 84 г. безъ дост. 7 р., съ дост. въ Москвѣ 7 р. 50 к., съ перес. въ др. города 8 р. Подписанія принимаются въ Москвѣ—въ конторѣ редакціи: Кузнецкій пер., д. Фульда; въ С.-Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ Нового Времени и Вольфа.

Редакторъ-издатель О. М. Уманецъ.
№ II. № 2786 1—1

Линовальные тетради

въ 3 хороши, сортапо 36, 40, 70 и 80 коп. за 10 штукъ; 3, 3½, 7 и 8 руб. за 100 шт.; 28, 30¼, 30½, 68 и 78 р. за 1000 и дороже, продаётъ Левенштейнская Рижская мастерская тетрадей для школьн., переплетной и скоролинованной. С.-Петербургъ, Гороховая ул., 39, кв. 3 парадн., между Каменнымъ мостомъ и Б. Садовой. Тутъ же учать линовать на линовальной машинѣ собственной конструкціи. М. № 2791 7—1

6 разъ награждены первыми преміями.

СКРИПКИ
самая лучшая и дешевая, новѣйшихъ временъ, отъ 6—30 м., знаменитыхъ мастеровъ 30—200 м. Альты, віолончели и басы. Смычки 1½—50 м. Футляры 3½—40 м. Цитры 16—300 м. Гитары 6—50 м. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструм. Патентованная новѣйшая скрипка для упражненій (собств. изобрѣтенія). Мастерская для починокъ. Реком. отъ Вильгельми, Саразате, Соре, Зингеръ и т. д. Гарантія. Переиздѣлыванія—скидка. Прейс-куранты—франко. Братья Вольфъ, фабрика струнныхъ инструментовъ. Крейцнахъ.

P. № 2735 2—2

ПАНСОНЪ

С. С. ГОЛОВИНОЙ

У Покровскихъ воротъ, домъ Медынцева. Премія испытанія будуть производиться 18-го и 19-го августа. Начало ученія 24-го августа.

Воспитанницы принимаются живущими и приходящими. Получать программы и узнавать объ условіяхъ приема можно ежедневно въ помѣщеніи заведенія. П. № 2766 3—3

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО

А. В. ЭБЕРГЪ.

поставщикъ двора

Его Императорскаго Величества. Рояли и піанино не уступаютъ лучшимъ заграницѣніямъ. ФИРМАМЪ. МАГАЗИНЪ у Арбатскихъ воротъ, д. Шмитъ, ФАБРИКА у Горбатого моста. Фирма существуетъ съ 1852 года. Ц. № 2773 10—2

САПОНАТЬ.

Мыло въ кускахъ и порошкѣ, для стирки бѣлъя, цветныхъ матерій и кружевъ холодною (комнатной) водою. Стирка обходится вдвое дешевле. Кусокъ на 1½ л. сух. бѣлъя 20 к. Продается въ складѣ производства: торговый домъ Ф. Стульгинскій и ком., Коломенская улица, д. 31; у гг. Штолъ и Шмитъ; въ Русск. Общ. Въ Москвѣ, Варшавѣ, Харьковѣ и друг. гор.

№ 2765 4—2

ГЕКТОГРАФЫ

отъ 3 р. 25 к. до 16 руб. Бумажный Гектографъ (сухой, не смывается) съ наставл. 11 р.

Складъ Гектографовъ А. Григорьевъ: С.-Петербургъ. Казначейская (бывш. Малая Мѣщанская), № 4. № 2770 2—2

Издание А. Ф. Марка.

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ изъ современной жизни. СПБ. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ПѢСНИ ДЛЯ ШКОЛЫ. Дѣтскія и народн. на 1 и 2 голоса. Цѣна 80 коп.

ТРЕХГОЛОСНЫЕ ХОРОВЫЕ ПѢСНИ ДЛЯ ШКОЛЫ. Цѣна 75 к.

Состав. Г. Мареничъ. Одобр. СПБ. Консерваторій и М. Чар. Просв. № 2745 5—5

ВАЖНО ДЛЯ УЧАЩИХСЯ.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ,

въ С.-Петербургѣ, Гостиный Дворъ, № 17 и 18 и въ Москвѣ, Петровка, № 5, приготовили къ началу настоящаго учебнаго года всѣ учебники, руководства и пособія для всѣхъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній. Воспитанники низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, гимназій, семинарій, народныхъ и городскихъ училищъ, частныхъ пансіоновъ, военныхъ школъ, университетовъ, академій и т. п. найдутъ въ магазинахъ Тов. М. О. Вольфъ всѣ учебники какъ русскіе, такъ и французскіе, немецкіе и англійскіе.

УЧЕБНИКИ ИМѢЮТСЯ БЕЗЪ ПЕРЕПЛЕТА И ВЪ ПРОЧНЫХЪ ПЕРЕПЛЕТАХЪ.

Переплеты по 15 коп.

Учебные заведенія, какъ казенные, такъ и частныя, обращающіяся непосредственно въ книжные магазины Тов. М. О. Вольфъ съ требованіеми на учебники, пользуются уступкою. Заказы исполняются немедленно, по въ виду большаго числа уже поступающихъ заказовъ, магазины просить заблаговременно сообщать требованія.

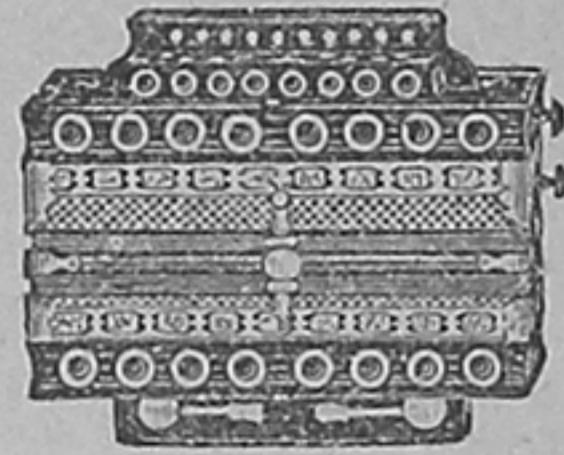
ПОДПИСКА НА ВСѢ НѢМЕЦКІЕ ЖУРНАЛЫ.

Нѣмецкое отдѣленіе книжныхъ магазиновъ Товар. М. О. ВОЛЬФЪ въ С.-Петербургѣ, Гостиный Дворъ, № 17 и 18 и въ Москвѣ, Петровка, д. № 5, получаетъ всѣ нѣмецкія періодическія изданія. Подпись принимается по цѣнамъ мѣстныхъ редакцій, считая нѣмецкую марку 55 коп. Журналы получаются по почтѣ и разсылаются немедленно всѣмъ подписчикамъ. Съ 1-го сентября начинаются слѣдующіе журналы: „Buch fü Rie“ цѣна за годъ 3 р. 85 к., „Illustrirte Welt“, ц. за годъ 4 р. 30 к., „Chronik der Zeit“, ц. за годъ 2 р. 85 к., „Bibl. der Unterhaltung & des Wissens“, цѣна за годъ 5 р. 35 к., „Illustrirte Romane aller Nationen“, ц. за годъ 2 р. 75 к. Съ 1 октября начинаются слѣдующіе журналы: „Über Land & Meer“, ц. за годъ 6 р. 60 к., „Romanbibliothek“, ц. за годъ 4 р. 40 к., „Romanzeitung“, ц. за годъ 7 р. 70 к., „Das Neue Blatt“, ц. за годъ 3 р. 50 к., „Daheim“, ц. за годъ 4 р. 40 к., „Modenwelt“, ц. за годъ 2 р. 75 к., „Vom Fels zum Meer“, цѣна за годъ 6 р. 60 к., „Deutsche Rundschau“, цѣна за годъ 13 р. 20 к., „Westermann's Monatshefte“, цѣна за годъ 8 р. 80 к., „Auf der Höhe“ цѣна за годъ 13 руб. 20 к.

За пересылку прилагается къ подписанной цѣнѣ каждого журнала по 2 р. въ годъ.

Первые номера журналовъ имѣются всегда въ запасѣ и высылаются немедленно каждому новому подписчику.

№ 2788

ГАРМОНИИ

изъ самыхъ лучшихъ заграничныхъ фабрикъ и также собственныхъ фабрикъ.

ВЪ 1 РЯДЪ.

8 клапановъ по 4 р. 50 к. и 6 р.

10 " по 5 р. 50 к., 7 р., 8 р., 9 р., 10 р., 12 р., 15 р., 20 р., 24 р.

ВЪ 2 РЯДА.

17 клапановъ по 14 р., 16 р., 18 р.

19 " по 15 р., 17 р., 18 р., 20 р., 22 р., 35 р.

21 " по 16 р., 18 р., 20 р., 22 р., 30 р., 35 р., 40 р.

ВЪ 3 РЯДА.

По 30 р., 40 р., 45 р., 60 р.

Самоучитель Соколова для гармони 1 руб.

6 тетрадей разныхъ нотъ для гармони по 75 к.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ

ИНСТРУМЕНТОВЪ

ЮЛІЯ ГЕНРИХА ЦІММЕРМАНА.

С.-Петербургъ, по Б. Морской, № 42.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно.

Пересылка на счетъ покупателя.

Депо въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, домъ Торлецкаго.

А. № 2789 1—1

МЕБЕЛЬНАЯ ФАБРИКА

ФАБРИКА

А. ШМИТЬ.

Поставщика двора Его Императорскаго Величества, фабрика и магазинъ.

МОСКВА, Арбатскія ворота, соб. домъ.

Фирма существуетъ съ 1818 г.

На Всероссійской Выставкѣ 1882 года.

Высшая награда—Государствен. Гербъ.

Ц. № 2772 10—2

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА

С.-Петербургъ Невскій прос. № 10.

Школы для разныхъ инструментовъ и пѣнія:

АЛЬБРЕХТЬ. Практическая школа

для скрипки 2 р. — к.

Его-же. Практическая школа для

віолончели 2 р. — к.

БЕЙЕРЪ. Ф. Дѣтская фортепіан-

ная школа 3 р. — к.

БЕРІО. Новѣйшая школа для скрип-

ки. Ч. I. 4 р., ч. II 5 р. — к.

БРЯНСКІЙ. Н. Методъ обучения хо-

ровому пѣнію, ч. I. 3 р., ч. II 1 р. 50 к.

ГЮНТЕНЪ. Полная школа для фор-

тепіано проемъ, и дополненная А.

Гензельтомъ. Новое 33-е изданіе 3 р. — к.

ЛЕЙБАХЪ. Полная школа для фи-

гармоній, просм. и дополн. В. И.

Гравачемъ 4 р. — к.

М. РІКОВЪ. В. Полная школа 7-стр.

гитары 3 р. — к.

ЧІАРДІ. Полная для флейты 3 р. — к.

ПАНСЕРНЪ. Школа пѣнія

ТЮРНЕРЪ. Полная школа для всѣхъ

мѣдныхъ инструментовъ 5 р. — к.

Пересылка на счетъ магазина. № 2790

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписч. (за исключ. Московск.) прейс-курантъ отъ чайного магазина О. Корещенко въ Москвѣ.

како.

Дозволено ценз.

1883 г.

ГИСГЮБЛЕРЪ МАТТОНИ.

ЧИСТЬЯЩАЯ ЩЕЛОЧНО-КИСЛАЯ ВОДА,

лучший столовый и освѣжительный напитокъ, испытанный при кашль, горловыхъ болѣзняхъ и при катарахъ желудка и мочеваго пузыря.

ПАСТИЛИ для пищеваренія.

ГЕНРИХЪ МАТТОНИ (Карльсбадъ).

Продаются во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

СКЛАДЫ: у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, въ С.-Петербургѣ, Казанская, 3.

у Л. КРЕНІГЪ и К°, въ Москвѣ, Петровка, д. Матвеевой.

Р. № 2625 10—8

ШВЕЙНЫЕ МАШИНЫ

ФРИСТЕРЪ И РОСМАНЪ

признаны вездѣ наилучшими изъ существующихъ. Продаются во всѣхъ городахъ Имперіи. Главный складъ: Москва, Большая Лубянка, Варсоноѳьевский пер., д. № 15.

Л. № 2774 4—3

КЪ НАЧАЛУ УЧЕБНАГО ГОДА

въ магазинѣ Н. ФЕНУ и К°.

Невскій пр. противъ Гостиного двора

ЗАГОТОВЛЕНЪ ПОЛНЫЙ ВЫБОРЪ

учебниковъ, атласовъ, картъ, дешевыхъ письменныхъ, рисовальныхъ и чертежныхъ принадлежностей, музыкальныхъ инструментовъ и нотъ, а также классной мебели новыхъ образцовъ.

СОБСТВЕННАЯ МАСТЕРСКІЯ И ЛАБОРАТОРИИ.

Золотая медаль на Всероссійской Промыш.-Худож. выставкѣ 1882.

Десять медалей на другихъ русскихъ и иностраннѣхъ выставкахъ.

№ 2793

ПАНСІОНЪ А. БІБЕРЪ.

(В. О. Б. Л. Д. 6.)

Приготавливаетъ воспитанниковъ въ реальные училища, кадетскіе корпуса и морское училище. Классы начнутся 23-го Августа.

№ 278 1—1

Мастерская учебныхъ пособій и лабораторіи

Н. ФЕНУ и К° (Бассейная ул. д. № 46).

Исполняетъ всѣ заказы на классную мебель по новѣйшимъ образцамъ.

Заказы принимаются въ магазинѣ Н. Фену и К° (Невскій пр., д. Армянскій церкви), где можно всегда видѣть образцы.

Въ магазинѣ имѣется всегда запасъ ученическихъ столиковъ, досокъ, счетовъ, арифметич. ящиковъ, черниль, клею, аспидной массы для досокъ и проч.

№ 2792

на англ. велосипеды 2-хъ и 3-хъ колесн. по-слѣдн. типа, специально выстроенныхъ для русскихъ дорогъ подъ названіемъ „РУССКІЙ КЛУБЪ“

Ж. Блокъ, представитель для всей Россіи

Складъ американскихъ издѣлій:

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Голицына.

С.-Петербургъ, Невск., № 16, угл. Б. Морской.

Р. № 2786 2—6

ПИСЧАЯ НОТАЯ БУМАГА

собственной фабрики.

Бумага двухъ сортовъ: по 20 и 25 коп. за тетрадь въ 6 листовъ. Цвѣтъ бумаги бѣлый и синеватый по желанію.

Бумага съ цветными украшениями по 15 коп. за листъ. Каждый листъ съ моей фирмой.

ПЕТРЪ П. ЮРГЕНСОНЪ

10, Неглинный проездъ, въ Москвѣ.

Склады: въ Петербургѣ Б. Морская, № 9.

Въ Варшавѣ у Г. Зиневальда.

П. № 2787 3—1

Подарки за почтовыя марки.

!!! Оригинальная новость !!!

ИГРА:

ПЪЗ МУХІ СЛОНА

1.0.